

КИФА

10 (13)

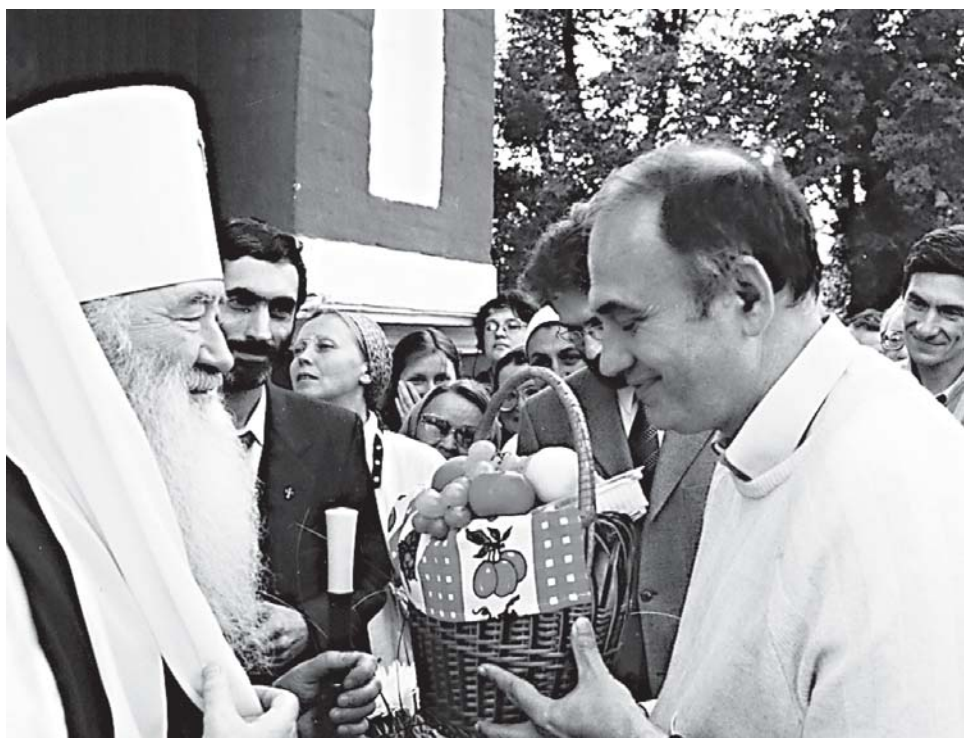
ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ОКТАБРЬ

2003

В газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ ЮВЕНАЛИЙ: НАШЕ ПРИЗВАНИЕ СЕЙЧАС – ОБЪЕДИНИТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Председатель Содружества Владимир Рыжиков поздравляет митрополита Ювеналия с праздником Преображения Господня

9-10 октября в конференц-зале университетского храма св. мч. Татианы прошла организованная Учебным комитетом РПЦ конференция "Служение церкви в современном мире". В течение двух дней перед студентами академий и семинарий (судя по уровню и содержанию задаваемых вопросов - лучшими студентами) выступили руководители всех синодальных отделов. И сами выступления, и в гораздо большей степени сопровождавшие их обсуждения были достаточно неофициальными и затрагивали глубокие и серьезные проблемы сегодняшней жизни церкви, такие как вопрос о богослужебном языке, принципы представительства на Поместном соборе, пути воцерковления неопитов, наполнивших храмы за последнее десятилетие, качество духовного образования. Часть выступлений в какой-то мере подводила итоги работы синодальных учреждений, создавала их емкий и целостный образ.

В ходе работы конференции митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, глава Синодальной комиссии по канонизации, согласился дать интервью нашей газете

"Кифа": Владыка, в связи с тем, о чем Вы говорили - с прославлением новомучеников. Известно, что многие из них выражали покаянные чувства в связи с тем, чем они занимались до трагедии 17-го года. Они, действительно, делали какие-то важные вещи, но не то, что лежало в центре духовной жизни, и в этом они часто видели причину произошедшей катастрофы, а свои страдания во многом считали искуплением этой вины. Скажите, пожалуйста, в чем Вы сейчас видите основное направление церковной жизни и как Вам кажется, насколько мы действительно здесь осуществляем или, наоборот, не осуществляем то, что ждёт от нас Господь?

Митрополит Ювеналий: Я хотел бы об этом сказать на примере своей епархии. Где-то в семьдесят седьмом году, когда я вступил в управление Московской епархией, там было 132 прихода и где-то около двухсот священников. Наша задача была удержать это, спасти от зак-

рытия и, слава Богу, ни один храм не закрылся тогда. Но потом мы вступили в новый период, когда начала возрождаться церковная жизнь в разных направлениях. И с чем я, как правящий архиерей, столкнулся: нам стали передавать сотнями, буквально сотнями руинированные храмы. И передавали это группе людей бедных, которые себя не могли содержать. И вот тогда я отказался, во-первых, от тех, кто мог бы нам помочь из-за рубежа. Я отказался от богатых жертвователей, которые могли какие-то условия ставить и, с другой стороны, иметь какие-то свои проблемы, нецерковные. А я бросил клич: дети и внуки отцов и дедов, которые разрушали храмы, которые гнали церковь, в знак покаяния за этих своих родственников должны жертвенно возрождать Россию, возрождать церковь и вне зависимости от того, к какой они церкви принадлежат, верующие они или вообще неверующие,

в знак покаяния перед Россией, перед церковью, которой причинено столько страданий, они должны безвозмездно возрождать порушенные святыни. И вот прошло больше десяти лет. Что мы видим на сегодня? Услышан мой призыв! Я считаю, что это главное достижение, это большая радость, что людей объединила идея покаяния, идея возрождения.

И вот совсем недавно я проводил собрание благочинных, их у нас 39 в большой Московской епархии. И я сказал: вот, первый этап прошел, храмы получили, почти все отреставрировали, а дальше что? А дальше нужно возрождать церковную жизнь, возрождать все формы церковного служения, которые были присущи в течение тысячелетия нашей церкви. И вот теперь мы большее внимание обращаем на просвещение, катехизацию, социальную работу, работу среди заключенных, среди молодежи, разных категорий лиц. Но опять нужны силы, нужны деньги, и я говорю всегда, что одно духовенство с этой громадной задачей не справится. Нам нужна помощь мирян, помощь верующих наших, и вот мы стараемся готовить наших верующих. Ведь у нас несколько сот воскресных школ. Конечно, не в состоянии одно лишь духовенство Московской епархии полностью преподавать там. Нас приглашают теперь и в светские школы. Не справится с этим приходской священник. Нам нужна помощь наших верующих, наших прихожан. И вот я вижу в этом основную задачу, наше призвание сейчас: объединить вокруг нас православных христиан, которые бы ходили не только в храм молиться, но которые бы помогали священнику и Церкви с большой буквы в осуществлении этой миссии на бескрайних просторах России.

"Кифа": Которые были бы способны и других научить?

Митрополит Ювеналий: Совершенно верно. И в первую очередь своей жизнью, своим примером.

"Кифа": На последнем епархиальном собрании Вы говорили, что советуете всем священникам вводить по возможности общее пение в храмах. Наверное, здесь говорилось в первую очередь о том, что это общее делание по миссии и катехизации должно опираться на общую молитву. Насколько это действительно получилось?

Митрополит Ювеналий: Не везде получается, но постепенно осуществляем. Я вот говорил, например, о том, что мне близко, с матерью-игуменьей Серафимой в Новодевичьем монастыре, и она уже организовала за ранними литургиями у нас общецерковное пение. Насколько монахиня поёт как головешки, и людям это очень нравится. Но нельзя всё это насаждать насильно. Нужно, чтобы это было потребностью людей. Самое главное, чтобы все действия священноначалия людьми понимались и разделялись. Храни вас Господь!

АНОНС:

Мы ищем единства, но остерегаемся поспешных решений

Заявление архиепископии русских православных церквей (Константинопольский патриархат) (Стр. 2)

Рассуждения о церкви - это практическое дело

В Москве прошла международная научно-богословская конференция «Православное учение о Церкви» (Стр. 4-5)

Мы готовы принять вызов любых перемен в церкви и в обществе

Свято-Филаретовскому институту исполнилось 15 лет (Стр. 6-7)

Нужен ли России свой «Le Croix»?

Журналистский семинар в СФИ (Стр. 8-9)

Вы нам писали...

— Что думают о «Кифе» ее постоянные читатели? (Стр. 10-11)

Что такое Херсонес

Молодежное движение: что это такое и с чем его едят? (Стр. 12)

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТА АРХИЕПИСКОПИИ ПРАВОСЛАВНЫХ РУССКИХ ЦЕРКВЕЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Со дня своего избрания и возведения на кафедру Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил совершил многочисленные пастырские поездки по приходам и монастырям епархии, находящимся как в Париже, так и в разных регионах Франции и за ее пределами. Жизнь Архиепископии, несколько было затихшая в связи с болезнью и кончиной приснопамятного Высокопреосвященного Архиепископа Сергия, снова воспрянула - освящены новые храмы в Осло (Норвегия) и в Покровской обители в Брюсселе, совершенно несколько иерейских и диаконых рукоположений, восстановлен выпуск Епархиального Вестника.

Благодаря встречам, имевшим место во время вышеупомянутых поездок по епархии, Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил имел возможность составить себе первое представление о состоянии Архиепископии и определить вопросы, первоочередные для нашей епархии и ее приходов. Касаются они богослужебной жизни, катехизации детей, проповедования веры, пастырского окормления новопривывающих иммигрантов - русских, украинцев, молдаван, грузин и других (ведь наши приходы принимают всех, невзирая на их происхождение). Именно на эти вопросы, наиболее существенные для жизни и свидетельства Православной Церкви в странах Западной Европы, где все мы живем и призваны нести спасительное Слово Господа нашего Иисуса Христа, от нас в первую очередь и ожидается ответ.

Исходя из этого, Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил всегда будет рад иметь беседу с любым членом Церкви, принимающим в ее жизни действенное участие. Он готов выслушивать мнения членов приходов нашей епархии, их соображения, исходящие из определения самой сущности Церкви, а именно: чем является для них Церковь? Каким образом и для кого осуществляет она свою спасительную миссию? В чем заключается наше свидетельство в странах, в которых мы проживаем? Как мы передадим веру своим детям?

В этой связи вопрос взаимоотношений нашей Архиепископии с Московским Патриархатом несомненно занимает особое место. Мы можем ответственно заявить, что отношения у нас хорошие. Уже несколько лет назад евхаристическое общение было восстановлено, в частности, по инициативе приснопамятного Владыки Архиепископа Сергия - и мы за это благодарны Богу; контакты существуют на разных уровнях, в частности с Высокопреосвященным Архи-

епископом Симоном Брюссельским, с Высокопреосвященным Архиепископом Иннокентием Корсунским и с Преосвященным Епископом Василием Сергиевским, ныне опекающим Сурожскую епархию; в разных местах бывают совместные богослужения и обмен священнослужителями. Несмотря на некоторые трения (недавно в Риме, а сегодня - в Шарлеруа, где предпринята попытка отобрать наш приход), мы надеемся на дальнейшее углубление сотрудничества между нами, на развитие диалога и взаимного доверия.

Что же касается предложенного Его Святейшеством Патриархом Московским Алексием II в послании от 1 апреля с.г. проекта установления новых структур Русской Церкви в Западной Европе, Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил уже приступил, как и предполагал, к обсуждению этого вопроса, согласно определенным им самим этапам. На эту тему он имел беседу с Его Святейшеством Вселенским Патриархом Варфоломеем I во время поездки в Патриархию в сентябре с.г., а также и с приснопамятным Высокопреосвященным Митрополитом Антонием Сурожским, с которым он беседовал по телефону и встречался лично в июне с.г. за несколько недель до смерти Владыки. В этих разговорах, как и в личном письме, присланном Митрополитом Антонием Архиепископу Гавриилу до его избрания на архиепископскую кафедру (письмо это не было опубликовано во избежание какого бы то ни было влияния на исход выборов), Митрополит Антоний предоставил Владыке Гавриилу от решений поспешных или могущих привести к нарушению единства Церкви. Одновременно он настаивал на абсолютной необходимости восстановления доверия и любви, предпосылки к любому сближению. При теперешней обстановке это вопрос первоочередной важности, и мы были бы рады обсудить его при возможных встречах с представителями Московской Патриархии.

Жизнь Архиепископии идет своим чередом. В ближайшее время будут приняты и другие инициативы, о чем будет своевременно оповещаться народ Божий - духовенство и миряне, - за которых Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил несет пастырскую ответственность. Поэтому мы призываем членов приходов и общин нашей Архиепископии прочно хранить драгоценный дар единства, как единства внутреннего - общения между собой, так и единства внешнего - общения со всеми другими епархиями, находящимися там, где Промысел Божий призывает нас нести свидетельство Церкви Христовой, согласно с православной экклезиологией, в которой евхаристия непременно связана с принципом поместности. Так или иначе ясно, что наше будущее в руках Божиих. Однако лишь основывая нашу жизнь на том, что составляет сущность Его святой Церкви - в полном смирении, взаимном согласии и приобщении к неизреченной благодати Божией, - мы и должны продолжать наше совместное служение единому Господу и Владыке нашему.

Гавриил, Архиепископ Команский
Экзарх Патриарха Вселенского
Париж, 29 октября 2003

Епархиальный совет состоит из следующих избранных членов -

От духовенства: Протопресвитер Борис Бобринский, Протоиерей Ренэ Доренло, Протоиерей Иоанн Гейт, Протоиерей Анатолий Ракович, Протоиерей Николай Ребиндер, Протоиерей Владимир Ягелло;

От мирян: Т.Н.Шомшева, О.Н.Лавров, А.П.Нивьер, П.А.Соллогуб, Н.А.Струве, В.Н. фон Тизенгаузен (секретарь Совета).

"Русская мысль", Париж, N 4479

ЦЕРКВИ ЕВРОПЫ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ ПРОТИВОСТОЯТЬ «НОВОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ»

9-16 октября 2003 г. в Варшаве, в Европейском центре по связям и культуре проходила встреча под названием "Школа по миссии: проповедь Евангелия в Восточной Европе", организованная Всемирным Советом Церквей и Конференцией Европейских Церквей

Христиане из 14 стран собрались для обсуждения задач и проблем миссии и свидетельства в современном мире. В работе Школы приняли участие представители иерархии различных церквей, священники и диаконы, пресвитеры, проповедники, участники церковных социальных программ, в том числе архиепископ Вроцлавский Иеремия (Анхимюк) (Польская православная церковь), архиепископ Люблинский, кардинал Йозеф Жичинский, (Римско-католическая церковь Польши), епископ Езник Петросян (Армянская апостольская церковь), епископ Корнелиу Барладинул (Румынская православная церковь); сотрудник Отдела внешних церковных связей Московской патриархии, диакон Тимофей Золотуский и ученый секретарь Свято-Филаретовского института Л.Ю. Мусина (Русская православная церковь), а также другие представители православных церквей Албании, Болгарии, Польши и Румынии.

Центральной темой встречи стали проблемы проповеди Евангелия в странах Восточной и Центральной Европы в условиях посткоммунистического общества. Каков местный контекст, в котором живут сегодня церкви в различных странах, и каким образом этот контекст влияет на проповедь Евангелия? Что нужно делать для подлинного воцерковления всей жизни членов церкви? Как вовлечь в церковную жизнь тех христиан, которые сегодня являются таковыми лишь по имени, и как активизировать строительство живых церковных общин? Как предотвратить превращение церкви в музей или гетто? Что необходимо делать, чтобы дело миссии было живым свидетельством о Христе, а не аренной вражды между церквями? Эти и другие вопросы обсуждались на многочисленных пленарных заседаниях и в малых группах.

Обсуждение было построено таким образом, чтобы прежде всего создать пространство для диалога и дискуссии, избежав "протокольного" выслушивания сообщений. С самого утра, которое начиналось молитвой, и до позднего вечера в течение всех дней работы Школы ее участники делились опытом, обсуждали проблемы и рассказывали о жизни христианских церквей в различных странах.

При тех больших различиях, которые существуют сегодня в странах Восточной и Центральной Европы, повсюду обнаруживается тот парадоксальный факт, что в условиях свободы, обретенной церквями с окончанием эпохи коммунистического тоталитаризма, и кажущегося большого притока в церковь людей, во всех странах всерьез стоит проблема "новой секуляризации". Настоящий интерес к христианским ценностям со стороны общества невелик. Так, в дни больших церковных праздников, когда средства массовой информации полны сюжетов, связанных с церковью, и в дни больших постов, в которых участвует значительная часть населения во многих странах, мало кто из опрошенных на улице людей вообще способен сказать хоть что-нибудь о Христе. Проблема секуляризации одинаково остра и в тех странах, где крещено не больше 20% населения (Чехия, бывшая ГДР, Албания), и в таких странах, как Румы-

ния, где даже при коммунистическом режиме крещенные составляли 99 %.

На встрече было неоднократно отмечено, что миссия Церкви несет большой урон из-за соперничества между церквями. Вместо проповеди Христа и свидетельства христианской любви христиане часто расширяют сферу неуважения и недоверия между людьми, проповедуя себя самих и исключительность своей конфессии. По мнению многих участников обсуждения, прозелитизм и сектантство - одно из наиболее острых проявлений разделения церквей, которое наносит Церкви большой вред. Однако, несмотря на то, что разделение - это многоплановая и болезненная проблема, и что восстановление единства кажется малореальным в обозримом будущем, движение в этом направлении необходимо, поскольку жизнь показывает, что без такого движения Церковь не может выполнять свое пророческое служение в мире.

Говорилось также и о такой задаче христианского сотрудничества как содействие развитию христианского общества. Именно Церковь может и должна предложить альтернативу обезличивающей глобализации - настоящее единство между людьми, основанное на полноте и целостности жизни во Христе, восстановление разрушенных отношений между Богом и человеком, а значит - и между людьми, церквями, и нациями. Всемирный Совет Церквей планирует провести в 2005 г. конференцию на тему "Приди, Дух Святой, и примири: призванные во Христе как примиряющие и исцеляющие сообщества", целью которой будет укрепление дела совместной миссии и пророческого свидетельства в мире и в которой примут участие около тысячи человек.

Православные участники Школы в Варшаве единодушно подчеркивали, что миссия совершенно традиционна для Православной церкви. Но при этом отмечалось также, что сегодня православная миссия во многих местах почти прекращена, а вместо миссиологии в учебных заведениях часто преподаются контрмиссия и сектоведение, и преподаватели крайне редко имеют собственный положительный миссионерский опыт. Укрепление православной миссии требует развития православного богословского образования, причем не только для клира, но и для мирян. Православный взгляд на миссию и возможность сотрудничества между церквями оказал большое влияние на текст открытого письма, с которым обратились участники Школы к своим церквям.

За кого люди почитают христиан сегодня? Что реально несут сегодня церкви обществу и способны ли они, сохраняя свою идентичность и верность Господу, вступать в диалог с обществом и отвечать на запросы и вызовы времени? Школа по миссии в Варшаве показала, что эти вопросы одинаково волнуют всех христиан. Сложившаяся же на встрече атмосфера благожелательности и симпатии сама по себе многими участниками была оценена как реальный вклад в дело проповеди Евангелия в странах Восточной Европы.

Лариса МУСИНА

Вопрос разделений, как и вопрос объединения - один из наиболее обсуждаемых ныне в зарубежных епархиях различных поместных православных церквей. Если объединяться, то по какому принципу? Церковный принцип - поместный, а не национальный. Однако современные попытки объединения очень часто апеллируют именно к национальным корням. Мы помещаем здесь один из материалов, связанный с освещавшейся нашей газетой ранее проблемой различных юрисдикций русской эмиграции. В следующем номере мы собираемся подробно осветить продолжающиеся споры вокруг объединения РПЦ и РПЦЗ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПОБЫВАЛА ДЕЛЕГАЦИЯ ФИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Финская делегация в храме новомучеников и исповедников российских

С 11 по 14 сентября в Санкт-Петербурге находилась делегация Финской Православной Церкви во главе с ее предстоятелем, архиепископом Карелии и всей Финляндии Львом. Среди членов делегации были ректор Православной семинарии в городе Йонсу протоиерей Рауно Пиетаринен, декан факультета Православного богословия в университете города Йонсу профессор Петри Пииройнен, члены профессорско-преподавательской корпорации и студенческий хор факультета Православного богословия и духовной семинарии.

12 сентября, в день памяти святого благоверного князя Александра Невского, архиепископ Лев возглавил Божественную Литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Ему сослужили митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, архиепископ Тихвинский Константин, многочисленное духовенство Санкт-Петербургской епархии и священнослужители Финской Православной Церкви.

13 сентября архиепископ Лев принял участие в совместной Православно-лютеранской конференции, посвящен-

ной истории и современному взаимоотношению Православной Церкви и церковных меньшинств в Санкт-Петербурге. После конференции члены делегации посетили Санкт-Петербургскую Академию и Семинарию. Предстоятель Финской Православной Церкви рассказал студентам о ее современном положении и о состоянии духовного образования в Финляндии и пригласил на обучение в семинарии в Йонсу трех студентов СПбДАиС. Декан Православного факультета при Университете города Йонсу профессор Петри Пииройнен преподнес в дар академии переиздание краткого катехизиса на финском и русском языках (этот катехизис был издан в Санкт-Петербурге Императорской Академией Наук в 1836 году).

Вечером того же дня владыка Лев, члены Финской делегации и Православный финский хор молились за всенощным бдением в Церкви Святых новомучеников и исповедников Российских.

Все эти дни православный студенческий хор города Йонсу не только участвовал в богослужениях, но и выступал с концертами духовной музыки, исполняя для многочисленных любителей церковного пения произведения современных финских, европейских и американских православных авторов.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ "КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ"

"Пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале русской поэзии" - это подзаголовок большой книги Михаила Капустина "Культура и власть" (издательство Ипполитова, Москва, 2002). Презентация книги прошла 19 ноября в помещении Литературного музея. Символично, что музей находится в стене Высокопетровского монастыря. Это несколько необычным образом подтверждает и связь церкви с проблематикой книги, и некоторую отстраненность от нее.

Автор книги - не доживший пять месяцев до ее издания замечательный, открытый и добрый человек, крупный ученый-гуманитарий, доктор, профессор, вице-президент Российской академии естественных наук (РАЕН) - писал в ней так: "Эта книга далека от религиозности как таковой, но в одном пункте нашей темы мы соприкасаемся. Ведь молитва обращена к власти небесной, и она сопрягается по духу с "поэзией святой", а власти земной надлежит сопрягаться с обеими, если она хочет остаться в памяти потомков, благодарных ей, а не прогибаемой ими...". Но в то же время он достаточно трезво смотрел на вещи, чтобы пытаться "просветить" власть или наставлять ее. Он лишь был готов поделиться тем, что имеет. Например, возможностью освободиться с помощью поэзии от "национального синдрома" (!) и обрести счастье "почти божественного парения над земной суетностью".

Но если кто-то подумает, что для этого достаточно от-

крыть книгу М.П. Капустина и прочитать ее, - он будет весьма разочарован. Секрет книги в том, что просто читать ее не удастся никому. Даже люди, достаточно знакомые и с русской историей, и с русской литературой признавались, что больше нескольких страниц подряд осилить не могли. Текст невероятно насыщен стихами, фактами, мыслями автора (который откровенно признавался: "хотелось все, что знаю...", вместить в одну книгу"). В этом смысле книга не только несовременна, она демонстративно "антисовременна". Но тот, кто рискнет даже просто скользнуть по ее поверхности, непременно найдет хотя бы какую-нибудь интересную цитату. Тем же, кому удастся войти в ее недра, придется значительно тяжелее. Нужно будет разбираться, например, в самом ли деле церковь способна лишь на готовый канонический ответ и каноническое утешение, тогда как поэзия "...обращается к человеку тет-а-тет" (И. Бродский)? Трудность в том, что аргументировать церковную позицию придется не рифмованными благочестивыми банальностями, а примерами настоящей поэзии, которая может прямо говорить о Боге и Его людях, но может и внешне как бы противостоять Ему.

Книга М.П. Капустина вселяет желание искать такие примеры и укрепляет надежду на успех. Не случайно на ее обложке стяг с надписью "Поэзия" держит уподобленный св. Георгию всадник.

Александр КОПИРОВСКИЙ

В МОСКВЕ ПРОХОДИТ ВЫСТАВКА «ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО БОЛГАРИИ»

В Москве в Историческом Музее с 1 октября по 8 декабря проходит выставка "Христианское Искусство Болгарии". На ней представлены фрески, иконы, рукописные книги, церковное шитье и предметы церковной утвари.

Экспозиция начинается с фресок XII - XIII вв. Фреска "Пророк Илия в пустыне" из церкви Свв. Сорока мучеников г. Велико-Тырново (около 1240 г.), разрушенной во время землетрясения в 1913 г., представляет один из самых ранних примеров этой иконографии. Здесь мы увидим также фрески из церкви св. Николы г. Мелник и колокол, найденный во время раскопок в той же церкви - самый старый из найденных колоколов не только в Болгарии, но на всем Балканском полуострове.

Иконы, представляемые на выставке, очень разнообразны - это и иконы из церковных иконостасов, царские врата, иконы из домашних молен, специальные иконы-поминальные и т.д. Интерес представляют четыре двусторонние иконы XIV в., которые выносились во время праздничных процессий на Пасху и во время храмовых и больших праздников, о чем свидетельствуют выдолбленные желоба внизу

досок. Чаще всего на одной стороне таких икон изображена Богородица, а на другой - Распятие (как на иконе из Созопола). Но в экспозиции есть и икона нетрадиционной иконографии - процессионная икона с изображением праздников.

На некоторых иконах живопись сильно утрачена. Считается, что на иконе сохранился лик, если можно разглядеть глаза. На иконе Богородицы Елеуса от лика Богородицы сохранился только один глаз, лик Младенца полностью отсутствует, сохранились лишь ножки Младенца и ручки, одна из которых обнимает Богородицу, а другая - держит ее за руку. На иконе Пантократора от лика Спасителя остался только фрагмент с одним глазом, но нетронутым осталось раскрытое Евангелие и благословляющая рука Спасителя. Несмотря на утраты, эти иконы живы и производят сильнейшее впечатление - перед ними невольно замираешь в созерцании и молитве. Не образ ли это самой христианской Болгарии, бывшей под турецким господством с конца XIV в. до 1913 г., обгащенной кровью мучеников, но не сломленной духом?

Многие из представленных

на выставке икон отличаются редкой иконографией или являются примером редко применяемых техник - например, икона с рельефным фоном с изображением архиерея (XIII-XIV вв.), рельефная икона со св. Георгием и св. Димитрием (XIV в.) или нефритовая икона (XIV в.).

Уникальны образцы церковной резьбы - например, дверки "Св. Никола Болнички" в Охриде (XIV в.), на пластинах которой можно увидеть как христианские персонажи (святые всадники, пророк Даниила и т.д.), так и античные мотивы (грифоны, аспиды, кентавры, иллюстрация басни Эзопа о лисе и вороне и т.д.). Сочетание резьбы по дереву с живописью стало характерным для искусства XVI-XVIII вв., примером чему являются несколько представленных на выставке царских врат с изысканной резьбой.

Из церковного шитья стоит отметить памятники византийского периода в истории Болгарии - воздвигнутый "Богородица Оранта" из церкви св. Софии в Охриде (1216 г.). Охрид - крупный духовный центр и одна из столиц Болгарии, здесь трудились на ниве Божией ученики св. Кирилла и Мефодия - св. Климент Охридский и св. Наум

Охридский. Более поздний памятник шитья - Плащаница (Вена, 1796 г.) со сценой "Плач надгробный", связанной с богослужениями Страстной недели, изображенной на фоне церковного здания и видов города Иерусалима - не только один из самых интересных примеров барочного шитья, но и произведение искусства.

Кроме экспонатов из Национального музея г. Софии, на выставке представлено несколько средневековых рукописных книг из собрания Государственного Исторического музея в Москве. Примерами так называемого первого южнославянского влияния являются уникальные памятники с роскошными миниатюрами - списки с древнеболгарских книг - изборонок Святослава (1073 г.), созданный для Киевского князя, Мстиславово Евангелие (до 1117 г.), написанное для Киевского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, и Учительное Евангелие XII в. Болгарского книжника Константина Преславского.

Примером так называемого второго южнославянского влияния, эпохи, известной как "Золотой век Болгарской книжности", является, прежде всего, Псалтырь Томича (XIV в.)

- один из шедевров Тырновской книжной школы, обладавшей высоким авторитетом во всем христианском мире.

Эта уникальная выставка дает нам возможность больше узнать как о духовном и художественном наследии Болгарии, так и о корнях древнерусского искусства, ибо наши страны опираются на единый духовный фундамент и связаны своими историческими судьбами.

И последнее - билет в музей стоит 50 р., каталог выставки - около 100 р., в нем вы найдете описание всех экспонатов и краткий очерк истории Болгарии. Если же у вас не будет возможности купить каталог, то возьмите с собой на выставку эту статью.

Материал подготовила Ирина ВОЛКОВА

В конференции приняли активное участие представители «парижской школы»

"Кифа": О. Владимир, насколько Ваши ожидания совпали с тем, что происходило на конференции?

О. Владимир Шмалий: Когда мы готовили эту конференцию - а готовили мы ее два года - мы хотели охватить важнейший круг вопросов. Имея в виду то, что мы должны основываться на фундаментальных догматических и вероучительных положениях о Церкви, которые не то, чтобы бесспорны, но являются важнейшими, мы собирались вместе с тем обратиться на основании этого фундаментального анализа к таким важным практическим вещам, как бытие церкви в современном обществе, изменение церковной жизни в соответствии с требованиями времени, церковное управление, каноническое право, литургическое возрождение - о чем упомянул в своем слове патриарх.

В соответствии с этим конференция включала три основных раздела: основные положения учения о церкви, актуальные проблемы и церковь и общество. Мы ждали идей, мы ждали честной дискуссии, мы ждали докладов не "прилизанных", а таких, в которых будут ставиться проблемы и, может быть, и в самих докладах и в ходе дискуссии будут даваться какие-то ответы. Т.е. конференция задумывалась как некая площадка для "мозгового штурма", где будут высказаны различные идеи, с тем, чтобы потом богословская комиссия могла их проанализировать, структурировать каким-то образом и представить священноначалию. Вот это то, чего хотелось достичь.

"Кифа": Получилось?

О. Владимир Шмалий: Что-то получилось, что-то не получилось. Конечно, за одну конференцию "нельзя объять необъятное". Тема диспуты прозвучала, к сожалению, довольно вяло: были обозначены известные позиции, ничего нового мы, к сожалению, практически не услышали.

На мой взгляд, состоялась, хотя и краткая, дискуссия о необходимости

адаптации канонических норм к требованиям современной жизни. Состоялось обсуждение того, каков статус канонов в жизни церкви, каково соотношение канонов и евхаристического измерения церковного бытия.

Представляется, что достаточно интересным было обсуждение темы отношения с инославием. Замечательно то, что в конференции принимали участие наши инославные друзья. Мы подошли к их приглашению неформально: участвовали те люди, которых мы знаем, которым мы доверяем, которые доверяют нам. Мы просили их заранее о том, чтобы их доклады были некомплементарными, с тем, чтобы они могли нас вызвать на дискуссию.

"Кифа": Что показалось Вам в этой связи наиболее интересным?

О. Владимир Шмалий: Самый такой "мирный" и "уютный" доклад Пола Вайера (Paul Vallier) о пределах предания. Он поставил под вопрос смысл так называемого неопатристического синтеза и его место в ряду иных богословских проектов. Это важный в методологическом отношении доклад, потому что он позволяет говорить о некоторой исторической динамике православного богословия, заостряет наше внимание на том, что оно должно быть актуальным и должно отвечать на важнейшие задачи современности, должно уметь говорить на языке современности, на языке современной философии и должно быть услышано, считано современным человеком. Это очень важная тема.

Целый ряд докладов, со стороны инославных наших партнеров был посвящен видению единства церкви, видению тех задач, которые стоят перед христианами различных исповеданий в их общем поиске единства.

"Кифа": Интересно, что они при этом высказывали зачастую вполне православные взгляды...

О. Владимир Шмалий: И одновременно ставили под вопрос какие-то, казалось бы, совершенно очевидные для нас вещи. Что такое, например, апостольское преемство? Как мы понимаем апостольское преемство? Можем ли мы сформулировать, что такое апостольское преемство? Те вещи, которые до их выступлений и их докладов нам казались совершенно очевидными, оказывались не то что не совсем очевидными, но нуждающимися в новой артикуляции - новой, имеющей в виду очень прямой и ясный вопрос наших инославных партнеров. И в этом смысле, конечно же, участие инославных было чрезвычайно творческим и полезным. Важно было то, что в ходе конференции очень четко и ясно было сказано, что Русская православная церковь, по крайней мере в лице ее священноначалия, придерживается идеала богословского диалога с инославием. Это было сказано и в выступлении святейшего патриарха, это было сказано и в ходе дискуссии.

Важная тема отношения церкви и общества тоже прозвучала. Это интересно потому, что прошло уже несколько лет с момента издания социальной концепции Русской православной церкви, и в общем ясно, что ее издание было не конечной целью, не окончательным итогом всего того, что могла представить богословская комиссия, а скорее неким полем, размеченным для дискуссии. Здесь мы видим, как много может быть различных взглядов, или, скажем, как различны ракурсы отношения церкви и власти, если вспомнить доклад Ольги Юрьевны Васильевой.

Замечательно то, что присутствовали греческие богословы, румынские богословы, болгары. Это было для нас очень важно еще и потому, что надо уметь слушать греков: у них особый ритм,

особый стиль высказываний, свое особое пространство мысли - одно это обстоятельство для нас полезно. Интересно было слышать, с каким достоинством и уверенностью они формулировали позиции, скажем, родные грекам. Вместе с тем мы видели, что где-то в чем-то мы не слабее греческого богословия, а сильнее. Мы видели как точки схождения, так и точки расхождения. Так что присутствие различных православных церковных традиций было очень обогащающим.

"Кифа": Хотелось бы поинтересоваться, насколько мое впечатление верно. Я не заметил, чтобы как-то обсуждалась проблема, как говорилось в свое время известными товарищами, "первичных организаций", т.е. проблема прихода, конкретной церковной ячейки. То, что для обычного человека прежде всего и является конкретно церковью - это его приход, его приходская община. Мне показалось, что это почти не было затронуто. Чем это можно объяснить?

О. Владимир Шмалий: Мы, конечно, просили тех людей, которые предполагались к участию, выбрать тему прихода. Но никто ее не избрал. Что тут поделаешь? Была более общая тема о структуре церкви, предложенная владыкой Иеремией Вроцлавским. Он ее и затронул. Это, конечно, очень печально, но это реальность. Я снова возвращаюсь к теме устава Русской православной церкви, который не имею желания критиковать. Есть устав - и слава Богу. Но нужно понимать, что устав - это реальность динамическая, живая. Требуется постоянное богословское осмысление и совершенствование. Нужно все время вновь осмысливать, каково значение прихода в нашей церкви, отношения уровня прихода, епархии, межприходского взаимодействия, смысл того, что такое церковная община, должна ли она представлять собой что-то такое замкнутое или открытое. Тут очень много вопросов. Как эта такая живая и неформализуемая реальность может быть сопоставлена с уставом? Я не знаю, как это вообще может быть - живую церковную реальность взять и вписать в рамки формально очерченной организации. Тем не менее, это необходимо. Это очень сложная задача. Я даже как-то не чувствую себя в состоянии всерьез об этом говорить. Я лишь вижу здесь серьезную проблему, о которой не нужно кричать: "Ах, у нас нет богословия устава!" У нас много чего нет. У нас сил-то нет богословских практически никаких. Все те же люди выступают вновь и вновь на конференциях. Можно сколько угодно говорить, что это наша вина, но это и наша беда.

Я думаю, что-то мне подсказывает на уровне интуиции, что следующий архиерейский собор должен стать собором науки и образования, поскольку этап экстенсивного развития церкви не то что закончился, но обозначились его конкретные формы. Храмы восстановлены, мы научились производить церковную утварь, у нас много прихожан, наладилась церковный быт, в общем, церковь структурировалась в ее новом внешнем бытии. Наверное, нужно подумать о том, как на этом базисе попытаться интенсифицировать, углубить церковную работу. И потом, мне кажется, что одна из самых главных проблем - это присутствие церкви именно как социальной силы в нарождающемся гражданском обществе. Если церковь выйдет из этого поля, она не будет слышна и не будет видна, ее просто не будут видеть. Она будет проявляться совершенно в каких-то других квазиобразах как некая этнографическая реальность, а не как сила, способная говорить.

"Кифа": Но надо сказать, что сейчас

церковная социальная организация сильна как никогда в истории России.

О. Владимир Шмалий: В том-то и дело. Она сильна, но использует ли она свой потенциал? Церковь действительно там, где ее люди. Но если бы мирянин, начиная от президента РФ и заканчивая бабушкой какой-нибудь, которая моет полы в школе, осознавал, что там, где присутствует этот мирянин, там и присутствует церковь: "Я в армии - значит, здесь присутствует церковь!", "Я в тюрьме - значит, здесь присутствует церковь!", "Я в администрации президента РФ - значит, здесь присутствует церковь", и там выполнял бы свою миссию и чувствовал бы, что церковь поручила ему ответственную миссию - быть мирянином, служителем, свидетелем церкви, а не чувствовал бы себя совершенно мелочью и ничтожеством: "Я никто, а там где-то есть церковное руководство, которое принимает решения!". Сейчас речь идет о том, что это должно быть сделано на уровне объяснения народу Божьему. Нужно сказать, что мы верим в вас, люди Божьи! Мы просим вас свидетельствовать от лица Церкви, но будьте ответственны. Я понимаю, что это очень наивное пожелание...

"Кифа": В этом контексте - в чем Вы видите прежде всего итоги состоявшейся конференции?

О. Владимир Шмалий: Чего удалось достичь? Самое общее наблюдение - это высказывалось самыми разными людьми, в разных ситуациях, в том числе и в кулуарах - необходимо регулярное общеправославное обсуждение важнейших проблем с позиций богословия. Потому что богословие - это единственный язык, который у нас есть для того, чтобы рационально осмысливать проблемы, возникающие у нас в реальной жизни. Это было высказано совершенно определенно.

Владыка Иеремия - человек очень серьезный, который не бросает слов на ветер - сказал, обращаясь к митрополиту Филарету: "Надеюсь, что та конференция, которую Вы проводите, владыка, сможет в дальнейшем стать регулярной международной общеправославной конференцией, где будут обсуждаться все насущные проблемы". Вот это мне кажется самым главным: витающее в воздухе ощущение того, что надо чаще встречаться, ощущение некоего кайроса. В сущности, что произошло? Те политические разделения, которые существовали между нашими церквями в силу социально-исторических обстоятельств, исчезли. Мы, строго говоря, все - и православные в Америке, и православные в Греции, и православные в России находимся под воздействием тех же самых международных общественных процессов. Они идут с той или иной степенью интенсивности, но, тем не менее, мы находимся в одинаковой ситуации постхристианского остросекуляризованного мира. И единство православного свидетельства сейчас уже становится не риторическим вопросом, а вопросом реально-насущным - вопросом выживания.

И одновременно с этим есть ощущение того, что именно конец XX века, концовка всех этих каких-то странных идеологий, разрушение различных философских и социополитических схем показало, что православие действительно содержит в себе очень мощный духовный и интеллектуальный потенциал, оно действительно может что-то сказать современному человеку. Оно действительно может обращаться к обществу, нуждающемуся в ответе на вопрос о том, как преодолеть разделение и отчужденность.

"Кифа": В том ряду, который Вы сейчас назвали, собственно экклезиологическая проблематика стоит на каком месте?

О. Владимир Шмалий: Думаю, она стоит на первом месте. Потому что церковь должна посмотреть на себя со сто-

Начиная с 2000 года Синодальная Богословская комиссия РПЦ ежегодно организует немногочисленные, но представительные обсуждения по актуальным направлениям развития современного богословия. В этом году его темой стала экклезиология. В работе международной богословской конференции "Православное учение о Церкви" приняли участие виднейшие богословы - профессор-протопресвитер Виталий Боровой, протопресвитер Борис Бобринский, архимандрит Ианнуарий (Ивлиев).

Ниже мы публикуем наиболее интересные места дискуссии и несколько интервью с участниками конференции.

ЧЕМ МОГУТ БЫТЬ СВЯЗАНЫ НЕОДНОКОРЕННЫЕ СЛОВА?

После доклада прот. Владислава Цыпина, подвергнувшего критике книгу прот. Павла Адельгейма "Догмат о Церкви" за то, что в ней были связаны между собой понятия "соборность" и "собор" (хотя греческие корни этих слов, как пояснил докладчик, различны), состоялось обсуждение, часть которого мы публикуем здесь. Мы включили в него не все мнения, прозвучавшие в ходе полемики, но лишь наиболее. На наш взгляд, интересные. Как нам стало известно, в ходе дискуссии о. Владимиру Шмалию была передана записка: "А знаете ли Вы, о. Владимир, что на архиерейском соборе двухтысячного года причащались только те из архиереев, кто сослужил? Остальные все окончание литургии сидели на лавочках и разговаривали.")

Священник Владимир Шмалый: Здесь у нас богословская конференция. Я думаю, можно попытаться как-то проблематизировать тему. Задаться, скажем, несколькими вопросами. Вчера мы обсуждали тему троичного характера Церкви, тринитарного основания Церкви, представляется это тринитарное основание Церкви напрямую связанным с еucharистическим бытием. Мы помним ту дискуссию, которая велась в недавно ушедшем веке о том, чему должен быть отдан приоритет в структуре церковного бытия: еucharистическому собранию, которое из своей среды выдвигает епископа как совершителя таинства или же епископской власти, которая порождает эту одну из возможных форм благодатного церковного бытия - еucharистию. Может быть, правильно рассматривать в нерасторжимом единстве еucharистическое собрание и предстоятеля-епископа? Если так, а это, как кажется, является результатом длительной полемики между сторонниками еucharистического богословия и традиционного "епископского", то тогда нужно искать какого-то синтеза между вот таким апостольским подходом к теме собора и католическим. Нужно видеть в соборе церковном еucharистическую ассамблею. Если говорить о церковной истории, может быть, следует вспомнить, что собор епископов предназначался прежде всего в контексте совершенной совместно еucharистии. Неотъемлемым элементом церковного собора является еucharистия с одной стороны, с другой стороны, конечно, усматривается в самой структуре еucharистии неотъемлемый элемент апостольской общности, в передаче той же самой еucharистии на протяжении веков как продолжательство бытия церкви в истории. Отец Владислав, это не критика никоим образом, это скорее проблематизация.

Прот. Владислав Цыпин: Что касается еucharистии - я совершенно не касался этой темы, но понятно, что еucharистическая и епископальная экклезиология нечто единое, в отличие от того, что о. Валентин Асмус называет монашеской или монархической экклезиологией. Я думаю, что здесь тоже есть определенное напряжение, в православном богословии XX века оно проявлялось очень остро, но действительно едва ли это напряжение чувствовалось в византийском богословии. Поэтому я просто этой темы не затронул. Но безусловно не имел в данном случае ничего полемического по отношению к еucharистической экклезиологии, хотя мне представляется, что в иных работах она бывает слишком прямолинейной и такой тотальной за счет каких-то других важных аспектов.

Давид Гэгзян, профессор Свято-Филаретовского института: Я хотел бы вначале поблагодарить владыку Даниила за такое глубокое напоминание конференции о необходимости укрепления единства общения, о том, что вот это единство общения есть подлинное выражение природы Церкви, взятой прежде всего в мистическом измерении, и хотел бы в этой связи задать первый вопрос влады-

ке. Не находите ли Вы, что именно такое общение есть воплощение соборности в собственном смысле слова? Мы стоим перед необходимостью развития особого богословия общения и богословия, которое предполагает обсуждение специальных форм, стимулирующих это общение, может быть за пределами традиционных церковных форм, в частности приходской жизни.

И, если позволите, еще по поводу доклада отца Владислава мне хотелось бы задать вот какой вопрос. Мне показалось, что разведение собора и соборности, опирающееся лишь на очевидную разницу в корнях греческих слов, связано было с излишним противопоставлением церкви эмпирической и церкви как предмета веры, в частности. Вот почему столь глубокий знаток церкви как соборности протопресвитер Николай Афанасьев всегда выводил в своих известных монографиях собор как образ и форму церковной жизни именно из смысла соборности. Первый апостольский собор он считал воплощением именно этого, а вот то, что соборы в дальнейшем могли перестать быть формой такого выражения и, в частности, сделаться чисто представительским собранием, считал утратой этих форм. Мне хотелось бы, если возможно, услышать комментарий по этому поводу от отца Владислава. Спасибо большое.

Прот. Владислав Цыпин: я мог бы еще раз повторить, что все свойства церкви взаимосвязаны. Церковь единая, святая, соборная и апостольская и в этом случае, конечно, соборы имеют отношение и к соборности-кафоличности. Я только хотел указать на более прямые и более логичные, экклезиологически приемлемые способы рассуждения о соборности. В этом случае я указал на апостольское качество церкви как на руководящее, когда мы рассуждаем о соборности в разных аспектах.

Что касается взглядов протопресвитера Николая Афанасьева, действительно крупного канониста, то мне представляется, что его позиция, заключающаяся, в частности, в том, что церковь эпохи вселенских соборов и сами вселенские соборы он измеряет критерием насколько в эту эпоху сохранялось в церкви то, что существовало в церкви в апостольский век, что требует разумеется некоторых реконструкций и не всегда точных реконструкций, как я полагаю, достаточно проблематичных относительно действительного, реального устройства церкви апостольского века - так вот, такой подход я считаю принципиально неверным, он в общем-то связан с хорошо известной протестантской тенденцией рассматривать историю церкви начиная с эпохи святого Константина, как историю отступлений, как историю упадка. Для меня совершенно очевидно, что вселенские соборы существен-

но выражали апостольскую веру и экклезиология вселенских соборов принципиально идентична экклезиологии Иерусалимского собора. Что же касается отличий в устройстве церковного апостольского века и последующих времен, то одни из них лежат действительно на уровне чисто эмпирическом, другие же связаны с тем, что церковь в момент своего рождения и церковь на историческом пути не может не отличаться и по устройству тоже. И поэтому я не считаю, что нам следует извлекать из книги апостольских Деяний, относящихся к устройству церковному, материал для критики церковного устройства, зафиксированного в канонах вселенских соборов или в канонах, утвержденных вселенскими соборами.

Священник Владимир Шмалый: Мне представляется, что мы сейчас находимся в такой ситуации, когда есть смысл обсудить эту ситуацию детальней. Поскольку речь идет о значении и роли еucharистического богословия для православного богословия сегодня, постольку нужно говорить об этом. Да, можно согласиться с тем, что некоторые историко-богословские построения протопресвитера Николая Афанасьева представляют собой реконструкцию - как и по большей части все историко-богословские исследования. В них мы имеем дело с реконструкцией. Вопрос в том, что является направляющим принципом. В соответствии с чем реконструируется структура церковного бытия апостольского века и исходя из чего делаются о. Николаем выводы? Я думаю, они делаются, скорее всего, из созерцания неизменности еucharистического строя Церкви и самого содержания Еucharистии на протяжении всей, по крайней мере, документированной, истории церкви. Этот факт неизменности еucharистических основ церковного бытия позволяет о. Николаю, судя по всему, из мысли о неизменности церковного бытия - что является важнейшим пунктом нашей веры - делать с определенной степенью уверенности эту реконструкцию. Можно ли делать вывод, что все, скажем, аспекты реконструируемого таким образом апостольского века стоит переносить на эпоху вселенских соборов - это вопрос. Но гораздо более существенным является для нас вопрос о самой сути - какое место и какую роль в церковном устройстве занимает Еucharистия как действительно отражающая троичное бытие, как собрание всех - мирян, клира, епископата - воедино? Такое собрание, которое при этом не уничтожает личной идентичности каждого? Я хочу подчеркнуть, что это вопрос. Здесь давать немедленные ответы невозможно. Для этого такие конференции и существуют - для того, чтобы проблематизировать ситуацию.

«У МЕНЯ ДАВНО ЕСТЬ МЕЧТА...»

Из выступления архиепископа Вроцлавского и Щетинского Иеремии (Анхимова) во время обсуждения его доклада о структуре церкви

Прежде всего нужно было бы подумать об образе епископа. Епископ должен знать всех священников по имени и лично. Епархии должны стать меньше. Невозможно управлять епархией, если священник не может попасть на беседу к епископу тогда, когда это нужно. У епископа должна быть непосредственная связь с народом. У него должно быть время поехать поговорить с приходом. Епархия - единое еucharистическое собрание, разделенное на несколько. Для любого прихожанина епископ - его пастырь.

У меня есть мечта, с которой я живу довольно долго: чтобы в каждом приходе миряне были сознательными, причащались за каждой литургией, и чтобы их уровень образования был уровнем среднего семинариста и у мужчин, и у женщин. В таком случае было бы возможно избрание пресвитеров и даже епископов.

ПРОБЛЕМА ДИАСПОРЫ

Интервью с прот. Леонидом Кишковским (Американская православная церковь)

"Кифа": О. Леонид, мы сегодня с благодарностью к Вам вспоминали другую конференцию, которая проходила девять лет назад в этом же самом зале.

Прот. Леонид Кишковский: Да, "Единство церкви"... Я сегодня сидел, кажется, на том же самом месте.

"Кифа": Я тоже до сих пор помню, где вы стояли, когда сказали, что все это - духовный большевизм... Но если вернуться к сегодняшнему дню и теме сегодняшней конференции. Сегодня проходила бурная дискуссия по проблемам юрисдикции. Как Вам кажется, реально ли продвинуться к ее решению в ближайшие годы?

Прот. Леонид Кишковский:

В Америке, как и везде в так называемой "диаспоре", в действительности трудно немедленно начать процесс к созиданию единства Православной Церкви. Это требует общего обязательства между Православными Церквями идти к созданию местных автономных или автокефальных Церквей. Конечно, необходим поиск верных путей к обеспечению координации и сотрудничества между Церквями. Но все проблемы возможно решить, если помнить, что когда мы пытаемся Церковь Божию втиснуть в рамки понятия диаспоры, мы грешим против природы Церкви, заставляя Ее служить целям и задачам, далеким от центра Ее миссии и Ее дела.

Конечно, очевидна необходимость принимать во внимание культуру и язык конкретного народа или общины. Но эта проблема часто преувеличивается. Есть приходы, где объединены люди разных национальностей и традиций, и никаких напряжений и разделений это не вызывает. Кроме того, всегда есть возможность, чтобы у верующих был свой епископ, принадлежащий к той же языковой и культурной традиции, что и они. Но этот епископ должен входить в местный синод.

В кулуарах конференции. Декан богословского факультета Афинского университета Константин Скутерис дает интервью Давиду Гэгзяну.

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМУ ИНСТИТУТУ – ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

“Кифа”: В этом году мы празднуем пятидесятилетие нашего института. Он возник еще в 1988 году, до отмены ан-

тицерковных законов, еще неофициально. Вы сказали, что Вам известен наш институт. Может быть, Вы скажете несколько слов нашим преподавателям, студентам и сотрудникам?

Еп. Сергиевский Василий (Осборн), Управляющий Сурожской епархией:

Мне кажется, что в секуляризованном мире церковь не может не обеспечивать непрерывной программы образования всех своих членов. Если она не будет этого делать, она просто исчезнет. Конечно, Бог не допустит ее исчезнуть, но она может подойти к этому очень близко.

Давление, которое оказывает на церковь современное секуляризованное общество, беспрецедентно. И человек — весь человек, сердце, душа, но также и разум — должен быть научен противостоять этому давлению. Мне кажется, что самой важной в наше время становится та часть церковной деятельности, что связана с богословским образованием для мирян.

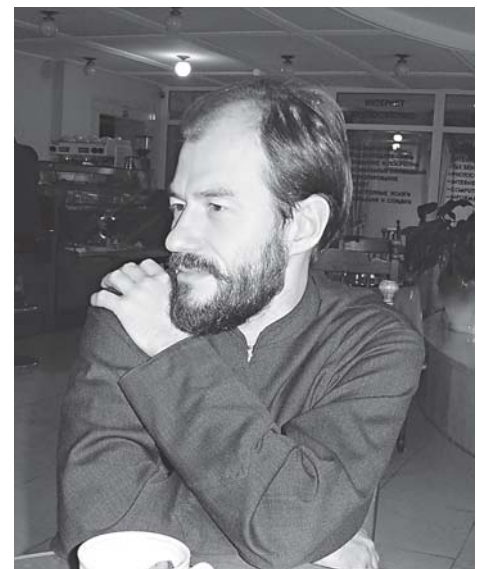
Профессор Николай Лосский: Я только жалею об одном — что я никогда не могу приехать. Меня приглашают каждый год, но всегда у меня какие-то дела, из-за которых не получается приехать в Россию... Я считаю, что все это очень полезно, и поздравляю всех вас с пятидесятилетием.

“Кифа”: В этом году нашему институту исполняется 15 лет. Что бы Вы могли ему пожелать?

Протопресв. Борис Бобринский, декан Свято-Сергиевского богословского института (Париж):

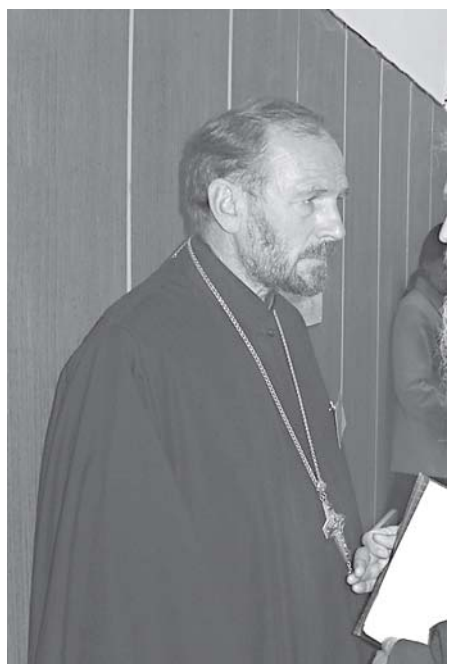
Я желаю, чтобы Господь благословил дело института, чтобы, действительно, с преодолением распрей и трудностей, которые могут быть, институт влился в русло всецерковной жизни Русской православной церкви.

“Кифа”: В этом году нашему институту исполняется 15 лет. Что бы Вы ему пожелали?

Свящ. Владимир Шмалий, декан Московской духовной академии, секретарь Синодальной богословской комиссии:

Мужества, мудрости и помощи Божией.

“Кифа”: В этом году нашему Институту исполняется 15 лет, и можно уже подводить какие-то итоги. Вы не первый год знакомы с ним. Что бы Вы могли сказать о Вашем видении места и роли Института в современной общественной и церковной жизни и что бы Вы могли пожелать ему в дальнейшем?

Архим. Августин (Никитин), доцент СПбДА, кандидат богословия:

Институт был при своём создании и в первые годы работы как бы неким вызовом тем консервативным силам, которые уже привыкли в советское вре-

мя, что никакой инициативы нельзя проявлять в рамках храма, а только совершать богослужения и исполнять требы — и всё. Дескать, зачем дальше что-то делать, всё равно ничего делать не дадут. Знаете, если младенца туго пеленают, потом у него на всю жизнь закрепляется связанный с этим рефлекс. Когда меня спрашивают: “Почему вы так свободно ездите по миру?”, я в шутку отвечаю: “Потому что меня не пеленали в детстве”. И когда мне говорят: “Я бы так не смог”, я продолжаю: “Значит, вас туго пеленали”. Так вот, эти “туго запелёнутые в детстве” — они озлобились на институт, потому что это реальный пример того, как надо действовать. Вот есть какой-нибудь большой кафедральный собор и там стенают: “У нас нет средств, чтобы нам церковно-приходскую школу для детей открыть, и потом — когда мы найдем время? Мы на требах”. А это и удобнее, потому что требы — это копейка живая в кармане, а школа — это наоборот: надо эту копейку на школу пожертвовать. Отсюда возникает это лицемерие, когда начинают не только у себя не открывать, а еще и ополчаться на тех, кто что-то делает живое. Так что то, что институт жив и действует, это большая его заслуга, как и заслуга — знаете, есть в Америке понятие такое “отцы-основатели”? — его отцов и сестёр основателей. И я хочу пожелать ему всяческого процветания и снова повторю то пожелание, которое в советское время произносили в условиях, когда всё было зажато: “Поднимем тост за то благодаря чему несмотря ни на что!”

«Кифа»: В этом году нашему институту исполняется 15 лет. Что бы Вы могли сказать о его месте в нашей церковной, общественной и культурной жизни?

Ольга Седакова:

Насколько я могу судить, это важнейшее и, наверное, самое живое движение, какое есть у нас в православии. Значение у него, я думаю, будет только возрастать. Я сужу по плодам: когда я встречаю людей, которые в Свято-Филаретовском институте учились, которые его закончили — это уже люди совсем другие, и в этом, мне кажется, надежда церкви нашей. Это, действительно, настоящее просвещение.

“Кифа”: Вы много лет преподаёте в нашем институте. Что бы Вы могли сказать о его месте и роли и в жизни церкви, и в жизни общества, и что бы Вы могли пожелать ему в день его пятидесятилетия?

Андрей Десницкий: Может быть, из всех новых богословских институтов, которые появились в Москве, этот комплекс, который трудно уже назвать институтом (потому что он включает в себя и собственноручный институт, и колледж, и курсы) пожалуй, самый гибкий, самый открытый. Все остальные очень быстро нашли какую-то свою форму и в ней замкнулись, здесь же постоянно шло какое-то развитие. Постоянно было ощущение того, что не всё еще сделано, не всё еще придумано, что-то можно изменить, что-то можно добавить. Это, действительно, очень радует, и пусть это так и остаётся. Конечно, очень хотелось бы пожелать не только Институту, но и всем нам, чтобы нам гораздо меньше приходилось думать о политике, о том, кто кого обличил и как на это ответить. Когда смотришь на то, что происходит за стенами наших маленьких конференций, где присутствует 500, ну 1000 человек, когда думаешь о том, что происходит с живущими в этом городе десятками миллионами, которые ничего этого не знают, которые смотрят телевизор, пьют кока-колу, живут совершенно другой жизнью, ходят на концерты Тату или Бориса Моисеева, то, что мы начинаем выяснять, кто кого как оценил, на кого как посмотрел, настолько нелепо... Возникает ощущение битвы лилипутов, которые вместо того, чтобы делать что-то общее, начинают друг с другом грызться. Это не критика в чей-то адрес, это скорее такая боль сердца.

Я имею в виду, что это, действительно, наше общее свойство — утверждать какое-то своё видение проблемы в противовес видению другого, когда сейчас это кажется просто непозволительной роскошью.

Так что — спасибо за то, что институт существует. Я знаю достаточно много людей, которые так или иначе к этому институту причастны. Они могут быть разных убеждений, очень разных, они могут ходить сейчас в разные приходы, но они приобщились к Церкви, скажем так, в связи с этим всем комплексом (я уже даже не хочу говорить слово “институт”). За это большое спасибо всем, кто принимал в этом участие. Я, действительно, очень хотел бы пожелать, чтобы это всё продолжалось, чтобы институт существовал дальше и продолжал быть открытым, и чтобы

когда-нибудь, лет через 20-30, успокоились все эти политические бури и мы не смотрели так много на политические программы и личные пристрастия, а просто жили.

СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ: МЫ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ ВЫЗОВ ЛЮБЫХ ПЕРЕМЕН В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ

Молитва на начало учебного года

“Кифа”: Вы говорили в одном из своих выступлений, что Свято-Филаретовский институт возник изнутри церковной жизни, из ее насущных потребностей. Где он выполняет эту задачу, где не выполняет? Что получается лучше, что получается хуже?

О. Георгий: Я же не говорил, что это задача. Я говорил, что мы родились из церковной жизни, всегда существовали и существуем внутри церковной жизни и сейчас пытаемся ее потребности и нужды улавливать и на них адекватно отвечать.

Конечно, эта данность всегда есть одновременно и некоторая заданность, и в этом смысле мне кажется важным помнить, что это — данность, которую мы не должны терять. Потому что когда все внешнее устраивается вроде бы неплохо, тогда есть опасность потерять какие-то внутренние вещи — что-то формализовать, что-то поставить слишком “на поток”, утерять личностный подход, который у нас всегда существовал и существует, потерять какое-то ощущение теснейшей связи не только с другими образовательными высшими учебными заведениями православных церквей или вообще христианских церквей, но и вообще с теми церковными явлениями, которые, можно сказать, находятся в центре церковной жизни. Вот это, мне кажется, очень важно.

Поэтому на сегодняшний день, мне кажется, не стоит говорить о том, что мы должны как-то особенно пытаться идти вперед, как бы начиная с начала. Скорее, мы должны пока думать больше о том, чтобы не потерять того, что было всегда, того, что характерно для нашего института.

“Кифа”: Многие из тех, у кого мы брали интервью, называли как одну из черт нашего института открытость, в том числе и способность достаточно быстро меняться. Какие из перемен, которые произошли за эти 15 лет и которые были связаны с переменами в жизни церкви и общества, Вы считаете наиболее значительными?

О. Георгий: Я даже не знаю, что здесь наиболее важно, потому что, с одной стороны, мы все больше становимся внешне похожи на обычный вуз, с другой — мы все-таки как были, так и остаемся не просто обычным институтом или обычной духовной школой. Самое главное, что мы всегда можем, если будет нужно, и вернуться к чему-то уже пройденному, и я всегда стараюсь никакие возможности для нас не закрывать. Мы никогда не должны “тя-

желеть” настолько, чтобы слишком зависеть от чего-то внешнего. Мы готовы принять вызов любых перемен в обществе и в церкви. И в то же время для меня, допустим, очень важно духовное единство, духовная преемственность. В этом смысле я ощущаю наш институт совершенно одинаковым в течение всех этих 15-ти лет. Все бывшие в нем пере-

Актный день. 2 декабря 1999г.

мены, и внешние, и даже внутренние лишь отражают жизнь — и братскую, и общинную, и церковную, и общественную — в их историческом времени.

“Кифа”: Что бы Вы сами хотели отметить, говоря об институте сейчас, в дни его юбилея?

О. Георгий: Я считаю, что сейчас самая важная характеристика в работе нашего института, вообще в его жизни, в его бытии — это то, что он стабилизировался не только внутренне, но и внешне.

Руководство, профессорско-преподавательский состав, сайт института, который имеет, на мой взгляд, неплохой рейтинг — все говорит об этой стабилизации и гармонизации.

Порог института стали переступать многие люди, не имеющие прямого отношения к нашему братству. Это хорошо, только жаль, что мы им уделяем еще мало внимания. Редакционно-издательский и информационно-международный секторы стали как-то лучше понимать свои задачи и более ответственно подходить к своей работе. То же можно сказать и о секторе базового образования, не говоря уж про сам институт как высшую духовную школу.

Конечно, хотелось бы еще чуть-чуть большей увлеченности самих студентов, большей их заинтересованности, большего понимания того, зачем они учатся и как они должны учиться, чтобы все актуальные и реальные задачи христианского образования воплощались в жизнь. Очень важно, чтобы ни один наш студент не выпадал из служения Богу и Церкви, как это бывало иногда раньше, когда люди могли учиться год, другой и так далее, а потом они как бы “выдыхались”, у них оставался интерес только к своей общине или своему братству, а образования как будто бы и не было. И не было никакого выхода, никакого результата — получалось, что все усилия были потрачены впустую и со стороны этих студентов, и со стороны тех, кто их учил. Сейчас такие вещи происходят реже, и

Члены Попечительского совета профессор Дмитрий Поспеловский и профессор Никита Струве

кто-то из нас что-то делает, пишет, где-то выступает — вот и хорошо. На уровне же института был лишь учебный процесс — без этого невозможно учить людей — и только он был как-то в необходимой мере обеспечен. Вот научный процесс и установился только в последнее время.

Приятно еще и то, что наши профессора и сотрудники сейчас могут уже довольно свободно выступать на разных конференциях и на международном, и на российском общецерковном уровне. Есть по крайней мере несколько человек, которые могут вести квалифицированную, качественную рабо-

ту по наибольшему числу проблем на любом уровне.

Конечно, это не означает, что все проблемы у нас решены, или что мы знаем ответы на все вопросы. Было бы слишком наивно так думать. Но то, что есть те подходы, та платформа, та среда, которые способствуют решению любых возникающих в жизни проблем — вот это я хотел особо отметить. Очень хотелось бы, конечно, чтобы наш общинный и братский дух не превращался во что-то привычное, что-то само собой разумеющееся, как бы в “естественный фон”. Хотелось бы, чтобы он был по-прежнему животворящим, тем лучом Солнца, который необходим в жизни каждого просвещенного человека.

Валентин Никитин:

Мне представилась честь вести этот круглый стол. Я являюсь сотрудником отдела религиозного образования и катехизации Московской Патриархии и главным редактором православного радио "Логос". Я знаю довольно многих присутствующих здесь, связан узами давней дружбы с некоторыми из них, так что в силу своей коммуникабельности могу быть тем звеном, которое здесь в данный момент необходимо.

Тема нашего круглого стола - внутрицерковный диалог и все, что вокруг этого диалога. Сегодня один из выступающих на конференции сказал, что диалог - это воплощение любви. И, действительно, диалог предполагает если не любовь, то хотя бы терпимость, взаимную толерантность и симпатию друг ко другу, готовность поставить себя на место собеседника. Мы предлагаем в связи с этим обсудить такие вопросы:

Максим Шквченко, шеф-редактор журнала «Смысл»

которые могли бы позволять себе непредвзято анализировать религиозную жизнь. Мне кажется, что именно независимые площадки СМИ дают возможность и обществу, и самим верующим вступать в диалог на этих площадках, потому что (будем откровенны) религиозные группы всегда очень замкнуты на себя, им очень тяжело впускать в свою среду чужие мысли из мгновенного желания полемически отвечать на эти мысли, на эти идеи.

Можно ли назвать диалогом публикацию полемики об острых церковных ситуациях, например, об "анаксисе" в Санкт-Петербургской духовной академии, о ситуации в Сурожской епархии, о планах создания Западно-Европейского митрополичьего округа и т.п.? Нет, конечно, потому что это - нормальное формирование информационного пространства. В случае с Санкт-Петербургской академией я был инициатором этих публикаций. Мы встали на защиту

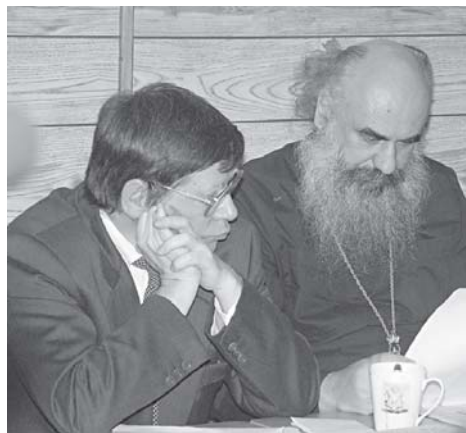
решительные вещи - какой болезнью он болен и как ее лечить. Консилиум должен состоять из профессионалов, которые беспристрастно обладают всеми данными о ситуации (анамнезом, если угодно).

Какое издание является или могло бы стать основной площадкой диалога: церковное или светское, печатное или сетевое? Конечно, печатное, конечно, светское. Сетевое - нет, поскольку у него слишком маленькая аудитория. В пространстве печатного слова совсем иное восприятие текста и мысли. Интернет - все-таки способ интеллектуального "чарльстона", он позволяет очень легко и безответственно писать, так как ты не вычитываешь верстку, ты не правишь. Бумага есть свидетельство подлинное и настоящее, она заставляет более четко и ясно формулировать "НГ-религии", я надеюсь, продолжает традиции, которые мы в него заложили и то, что я вижу, вполне является та-

НУЖЕН ЛИ РОССИИ СВОЙ "LE CROIX"?

Участники круглого стола журналистов в СФИ обсуждали, в чем издание католической общественности Франции - "Le Croix" - может стать примером для нас в создании пространства для диалога

1. Что мешает, а что помогает внутрицерковному диалогу в СМИ?
2. Нужен ли диалог? Может быть, всем стоит разойтись по своим "левым" или "правым" изданиям?
3. Можно ли назвать диалогом публикацию полемики об острых церковных ситуациях, например, об "анаксисе" в Санкт-Петербургской духовной академии, о ситуации в Сурожской епархии, о планах создания Западно-Европейского митрополичьего округа и т.п.?
4. Какое издание является или могло бы стать основной площадкой диалога: церковное или светское, печатное или сетевое?
5. Способствует ли диалогу взгляд "сверху" или "извне" на внутрицерковные конфликты?
6. Являются ли СМИ голосом ми-

Ведущий круглого стола Валентин Никитин и игум Иннокентий (Павлов) обсуждают вопросы к участникам разговора

рян, церковной общественности, выражением взглядов светского общества на церковные проблемы?

Вопросы сформулированы очень хорошо, и мы можем смело "пускаться в плавание". Рядом со мной - игум Иннокентий Павлов - известный церковный богослов, публицист, библист, преподаватель Библийско-богословского института ап. Андрея; Александра Колымагина, Александр Буров - газета "Кифа"; Максим Шквченко - журнал "Смысл"; Борис Колымагин - телеканал "Культура"; Евгений Стрельчик - газеты "Вечерняя Москва", "Мирская жизнь"; Дмитрий Власов - информационное агентство "Благовест-Инфо"; Александр Кырлежев - интернет-портал "Религия и СМИ". Кто начнет первым?

Максим Шквченко:

Кроме журнала "Смысл", у меня еще передача на радиостанции "Маяк" - "Выбор веры", на которой бывали и о. Георгий Кочетков, и другие сотрудники СФИ с очень интересными программами. Основные темы я вижу вперевые, но могу сказать, что они уже много лет занимают сознание и являются предметом размышления. Что мешает, а что помогает внутрицерковному диалогу в СМИ? У меня, как у христианина, ответ только один: помогает диалогу в церкви любовь и взаимное уважение христиан друг к другу, а мешает диалогу враг рода человеческого (но не будет на него все время ссылаться), мешает наша нетерпимость, наше нежелание выслушивать оппонента, нежелание предоставлять слово в своей узкой замкнутой среде людям с иной точкой зрения, с иными подходами. Мне кажется, что проблема разрешения сложностей, связанных с внутрицерковным диалогом, заключены в повседневной жизни христиан, в том числе и в христианизации подхода к публичным дискуссиям.

Нужен ли диалог? Может быть, всем стоит разойтись по своим "левым" или "правым" изданиям? Христиане были призваны к тому, чтобы быть солью земли, свечой на вершине горы и активно свидетельствовать свою позицию перед миром, в том числе и по политическим вопросам. Здесь не может быть разницы: мы не можем относиться к фактам массового геноцида, который мы наблюдаем сейчас, как частные светские граждане. Мне кажется, что характеристики "правые" и "левые" имеют отношение не к церкви, все-таки, а к политическим взглядам людей, которые являются членами Православной церкви. Всегда, даже в самые острые минуты политической полемики, в которой я с удовольствием участвовал, участвую и буду участвовать, я всегда напоминал своим оппонентам, что если мы верим и исповедуем так, как православный Символ веры нам велит исповедовать веру и в Бога и в Церковь, то наши разногласия носят характер политический и это - нормально и правильно. Но как христиане мы не должны позволять, чтобы ненависть и злоба овладевали нами в отношении друг друга, а четкую антиэлектическую направленность СМИ в этом вопросе (если речь идет об этом) я всегда только приветствовал, я всегда считал, что непонятная позиционированность только вредит.

Я всегда выступал за независимые от религиозных источников СМИ, ко-

этих ребят, мы с горечью потом видели, как их громили, как т.н. "правая" церковная пресса ввязалась просто в травлю этих студентов, у которых была, между прочим, большая сеть по работе с наркоманами, по помощи нищим и бомжам. Это были самые лучшие студенты академии и семинарии. Все они были уволены, выгнаны. За что? За то (как мне сказал в частной беседе митрополит Кирилл), что они были абсолютно правы, когда они следовали каноническому ходу литургии и на вопрос: "Достоин ли?" сказали: "Нет, не достоин". Но, по мнению епископа Константина, литургия - настолько сакральный текст, что все живое из него должно быть убрано. Поэтому все эти ситуации, которые здесь описаны, являются темами для размышления в

этих ребятам. На форумах в Интернете присутствует всегда одни и те же 10-12 человек, которым нечего делать и которые часами сидят, пишут и полемизируют друг с другом. Но мне кажется, что диалог должен вестись публично. Мы надеемся, что и на ТВ, может быть, появится какое-нибудь ток-шоу. Здесь все зависит от подхода и профессионализма журналистов, от их способности сформулировать вопрос так, чтобы он был привлекателен для большой аудитории. Мне кажется, что в "НГ-религии" мы доказали, что религия является важным аспектом политической жизни и политической журналистики.

Способствует ли диалогу взгляд "сверху" или "извне" на внутрицерковные конфликты? Любое удаление от пары "субъект-объект" или от объектив-

церковной среде, в церковной журналистике. Они также являются темами, которые интересуют журналистику, не связанную напрямую со священноначалием или с теми или иными кругами РПЦ или иных церквей. Я - за то, чтобы все точки зрения всегда публиковались.

Прежде чем обсуждать положение в Сурожской епархии, необходимо точно (так как это пишется в английской прессе) знать, что там происходит, позиции сторон, субъектов, кто что говорит. Если мы обсуждаем нереальные сюжеты или то, что нам хотелось бы видеть, то, что нам предлагают захотеть увидеть - то это - не диалог. Диалог - это когда три врача собираются у постели больного и обсуждают конк-

ной связки всегда способствует более трезвому и более очевидному взгляду. Мнение "сверху", к сожалению, (если имеется ввиду мнение патриарха или Священного синода) всегда заранее известно - оно совпадает с официальным. Мнение извне, даже если оно антицерковно - это все равно некая позиция, которая является составляющей в сумме, определяющей интеллектуальную работу.

Являются ли СМИ голосом мирян, церковной общественности, выражением взглядов светского общества на церковные проблемы? СМИ являются голосом общественности. Являются ли они голосом мирян, зависит от того, являются ли их журналисты верующими. Название "светский" мне не нра-

вися. Давайте говорить прямо: те силы, которые бы не хотели активного участия религии в общественной и политической жизни, мне кажется, так более точно. Конечно, такие силы есть. Это деление на светское и не светское общество мне кажется фальшиво-клерикальным. Верующие люди являются людьми из плоти и крови, со всеми свойственными грешному и смертному человеку ошибками. И есть силы, которые хотят, чтобы существовали такие благообразные главные равнины, для которых не существует никаких проблем реальной жизни с ее реальной кровью, с ее реальными конфликтами. Наша задача всегда была (и в "НГ-религии") в том, чтобы показать, что это - ложь и не имеет ничего общего с реальностью, что религия была, есть и остается той духовной кровью, которая питает жизнь миллионов людей по всему миру и что энергию, которая скрыта в религии, невозможно кастрировать. Можно создать псевдорелигиозный образ, но реальность всегда скажет свое. Поэтому, если СМИ способны выражать реальные голоса реальных верующих, то такому СМИ - честь и хвала, если оно занимается ложью и PR-ом событий, то оно совершенно не нужно для общества.

Александр Кырлежев:

Я хочу откликнуться на слова Максима: интернет или бумага. Если не пользуешься интернетом, то его как будто бы и нет. Религиозные сайты в интернете очень малочисленны, поэтому он, безусловно, не может выступать площадкой для диалога. Здесь я абсолютно согласен с Максимом: такая площадка должна быть печатной. Но и печатные издания могут иметь свою интернет-версию. Нужно инициировать диалог в СМИ, но это могут сделать только люди, которые не имеют интереса в каких-либо группах, которые могут равным образом говорить со всеми участниками. К сожалению, пока такого органа нет. Внутрицерковный диалог не имеет никакого отношения к СМИ. Церковь появляется в настоящих СМИ (прежде всего в политических), когда она имеет политическое значение. Единственная причина интереса к религии и церкви - политический интерес. Поэтому диалог можно организовать для людей церкви, которые считают себя христианами, но это - внутрицерковное дело, и СМИ не имеют к этому никакого отношения.

Кого считать правым или левым - дело непонятное. Некоторые о. Георгий Кочеткова считают либералом, а

Александр Кырлежев. Интернет-портал "Религия и СМИ"

некоторые - фундаменталистом. Все очень сложно. Ситуация в церкви в этом смысле безнадежна.

Дмитрий Власов (Благовест-инфо): Наше агентство отличается по жанру от "НГ-религии", потому что наша задача - оперативно и по возможности объективно давать информацию и, как правило, точку зрения двух сторон, поэтому в диалоге в этом смысле мы участвуем. Но это не всегда получается, так как иногда наиболее активна в диалоге бывает только одна сторона. И здесь бывает очень трудно получить

мнение сразу двух сторон. Очень сложно бывает дозвониться до Патриархии. Подождя день-другой приходится давать мнение только одной стороны, после чего о. Всеволод Чаплин звонит сам и говорит: "Записывайте, я диктую опровержение". Наша функция здесь достаточно скромная: мы никого никуда не ведем, никого не агитируем, свою позицию в душе каждый, конечно, имеет, но давать ее открытым текстом никто права не имеет, так как это не положено по нашим уставам этики. Наша задача - давать как можно больше информации, давать ее объективно и давать информацию о жизни христиан, разных христиан как здесь в России, так и за рубежом. Как это не парадоксально, с падением "железного занавеса" российский христианский мир очень замкнулся в себе, произошла самоизоляция и чем дальше - тем она больше. Эта изоляция происходит не только от инославных, но и от православных за рубежом.

Является ли СМИ голосом мирян? Вообще, на самом деле, эта формулировка не очень понятна. Почему миряне и церковная общественность как-то выделяются и кому они противопоставляются? Священному синоду или кому возле них? Но СМИ вряд ли являются голосом церковной общественности, потому что она как таковая не очень-то у нас есть.

Дмитрий Власов. Информационное агентство "Благовест-Инфо"

Я хотел бы еще возразить Максиму Шевченко, глубоко мною уважаемому, который говорит, что те СМИ, которые дают только благостную картинку, это все не то, а вот СМИ, которые дают правду в самом неприглядном виде - это то. Я не совсем уверен, что это так, потому что говорить правду без какого-то выхода, без какой-то трансценденции - в христианстве это вряд ли хорошо. Это будет только нагнетание вражды, так как своя какая-то правда есть у всех - и у хорвата, и у серба, и у босняка. И если давать постоянные интервью сербских батюшек, которые ходили в атаку с автоматами или мусульманских мулл, кладущих фугасы на дорогах, то это вряд ли будут те СМИ, которые мне хотелось бы видеть.

Евгений Стрельчик ("Вечерняя Москва", "Мирская жизнь"):

В 1994-95 гг. я и Евгений Комаров делали вместе "Московский Церковный вестник", сделали 15 номеров. Я думаю, что еще долго в России не будет церковной газеты с тиражом 350 000 экземпляров. Конечно, тогда времена были другие, но именно тогда была попытка сделать церковную газету именно для всех. Но жизнь развивалась так (в том числе и экономически), что это все исчезло и мы имеем то, что сейчас имеем - ЖМП. Хорошее издание, а что толку? Выходят еще издания, но понимания информационной политики в самой Московской Патриархии не существует, никто этим не хочет заниматься, так как нет политического заказа, политической воли, желания.

Я согласен с Максимом Шевченко, с тем, что он говорил по поводу внутрицерковного диалога, но при чем здесь СМИ, мне непонятно. В свое время в 1989-90 году приходишь на приход и ба-

тюшка тебе рад (он просто еще помнит, как приходили из райкома), а сейчас - бояться, разговора не получается.

Что такое острые темы? Кому это нужно, какие это острые темы? Это никому не интересно. Но есть темы, ко-

Евгений Стрельчик. "Вечерняя Москва", "Мирская жизнь"

торые интересны. Чтобы что-то зазвучало, нужно заинтересовать чем-то людей.

Александра Колымагина:

Перед тем, как Максим Шевченко уйдет на свою передачу, я хотела бы задать ему вопрос. Образ, который прозвучал в его выступлении - образ консилиума. Но был ли вообще прецедент, чтобы, условно говоря, собрались "у постели больного" люди разных позиций, для которых вообще - возможно ли собраться? И возможно ли им что-либо обсудить и выработать какой-то путь?

Максим Шевченко:

Мне странен этот вопрос, поскольку церковный собор и есть своего рода такой консилиум, собирающийся так или иначе по поводу разногласий - будь то о природе Христа, о природе Троицы, о природе Духа Святого, которые разделяют церковь на партии. Сейчас должна развиться некая иллюзия. Мы в России зачастую под Церковью подразумеваем Московскую патриархию, но Церковь - шире. "Le Croix" издает

странство: католическая Италия или что-то другое. В России такого пространства нет, но это пространство - это мы, Церковь - это мы, а не Московская патриархия, мы - священники, миряне. Когда мы встанем со своих стульев и пойдем что-то делать - это и будет действие Церкви, а не когда патриарх полетит туда или сюда: это визиты первого официального правящего лица. Мы - это Церковь, а они - наверху - это только часть той Церкви, которой являемся мы все. Вот этого понимания в России нет, и мне кажется, отсюда есть проблемы. Если есть это понимание, а также понимание того, что христианину бояться некого, кроме Бога и поэтому христианин, как в средние века, должен высказывать то, что думает ("Пусть уста его будут 'да' - 'да', 'нет' - 'нет'"), то все это непременно приведет к тому, что я назвал к консилиуму, т.е. к соборному мнению церкви.

Александра Колымагина:

Зачем залезать в такую далекую историю? Перед собором 1917-18 гг. было ведь обсуждение тех проблем, которые, кстати говоря, до сих пор не решены.

Максим Шевченко:

Забудьте все, что было перед 17-м годом, это имеет только теоретическое значение. Мы совсем другие, мы родились в другой стране, мы родились в России, а не в Советском Союзе, мы должны строить новую жизнь, опираясь на евангельские принципы и вспоминая о деяниях собора 17-18 гг. Мы не сможем провести их в жизнь, будем откровенны. Нельзя "закрывать" XX век и вернуться в его начало - это сейчас сделали монархисты. Но мы видим к какому еретическому безумию привело это почитание царя.

Сейчас мне непонятно это бессилие, эта немощь в руках и сердце. Вы - Свято-Филаретовский институт - сколько лет уже существуете! Плохо ли, хорошо ли вы делаете свое дело, но "машина" работает и так наполняется общество теми, кто может думать, мыслить. По мановению волшебной палочки ничего не произойдет в стране, в которой было уничтожено 50 млн. человек. Надо все строить заново.

Продолжение темы - на стр. 11 в статье Валерия Коржова «Политика или церковность?»

Материалы круглого стола, не вошедшие в номер (выступление свящ. Георгия Кочеткова, презентация «Кифы») предполагается опубликовать в следующих номерах.

КТО ЗАГЛЯДЫВАЕТ В СТОЛ?

Я хорошо помню, как два года назад на Преображение собралась некая инициативная группа, которая проводила особую встречу, посвященную выработке миссии общеправославного издания. На мой взгляд, тогда эта встреча завершилась без особых результатов. Но вот через год с небольшим возник какой-то ребенок, с чем я поздравляю, во-первых редакторов и всю команду, и, я думаю, все Содружество в целом.

Хотелось бы высказать несколько замечаний.

Во-первых, до сих пор для меня как читателя непонятна та самая "миссия". Она заявляется редакторами, она даже появляется в некоторых слоганах на каких-то полосах, но, тем не менее, по содержанию материал, на мой взгляд, остается весьма размытым. Берутся материалы по разным темам и немножко непоследовательно. Это первое.

Далее, команде "Кифы" удалось сделать значительный шаг по сравнению с некоторыми

внутрибратскими изданиями, которые, к сожалению, довольно часто просто пышат некоторым духовным провинциализмом. Они являются исключительно внутренними и часто просто видно, что человеку хоть немножко внешнему, пусть даже являющемуся другом братства, в них очень трудно что-то понять. К счастью, "Кифе" удалось преодолеть барьер такого провинциализма, за что слава Богу.

Однако тираж остался тем же самым - около тысячи. Как мы прекрасно знаем, даже на наших общеправославных встречах бывает около тысячи человек. Получается так, что потенциальные читатели "Кифы" это по-прежнему люди внутри братства? Хотелось бы узнать: имеет ли "Кифа" читателей за пределами нашего Содружества? Есть ли такие читатели или же мы по-прежнему пишем в стол, в который никто другой по-прежнему не заглядывает?

Максим ДЕМЕНТЬЕВ

АНКЕТА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И ТЕХ, КТО К НИМ ПОКА ЕЩЕ НЕ ОТНОСИТСЯ

1. Читаете ли Вы "Кифу"?

2. Считаете ли Вы ее:

- А) занудной
- Б) веселой
- В) заумной
- Г) красивой
- Д) сухой
- Е) профессиональной
- Ж) содержательной
- З) какой-то другой? (какой)?

3. Хотели бы Вы видеть на страницах "Кифы":

- А) проповеди
- Б) материалы о жизни малых братств
- В) православный юмор
- Г) интервью с архиереями
- Д) статьи наших оппонентов
- Е) материалы о семье и браке, воспитании детей
- Ж) разбор трудных мест богослужения
- З) разговор об острых вопросах взаимоотношений полов
- И) обсуждение проблем единства Церкви
- К) новости Свято-Филаретовского института
- Л) что-то еще (что)?

3. Какая публикация из прочитанных Вами была самой удачной? Почему?

4. А самой неудачной? Почему?

5. Чем Вы можете "Кифе" помочь:

- А) братской любовью
- Б) деньгами
- В) советом (каким?)
- Г) статьями или иными материалами
- Д) информацией об интересных событиях
- Е) расшифровкой интервью и т.п. с аудиопленок
- Ж) помощью в распространении (можно в одном конкретном месте)
- З) корректурой
- И) иллюстрациями
- К) молитвой
- Л) чем-то еще (чем?)

6. Не могли бы Вы сообщить что-то о себе

- А) пол
- Б) возраст
- В) образование
- Г) специальность
- Д) что-то еще (что?)

Ответы можно посылать по адресу kifa@list.ru или передавать в редакцию, которая пока находится в помещении СФИ (ул. Покровка, д. 29, оф. 38)

шифровкой, корректурой, редактурой и другой работой - гораздо меньше, чем тех, кто обещал нам братскую любовь и молитву, но все таки они есть, и это не один и не два человека. Мы очень надеемся, что те из них, кто не оставил своих координат, свяжутся с нами.

Когда мы анкетировали всех, мы хотели прежде всего понять, что читателям хотелось бы видеть в газете. И знаете, честно говоря, результаты нас очень удивили.

В первую очередь почти все

шаемыми. В этом смысле, действительно, обратная связь есть. Поэтому для нас немножко непонятно, почему, хотя наш тираж практически весь расходится (некоторые номера разошлись полностью, а некоторых осталось по 40-50 штук), это все-таки не больше тысячи экземпляров. И это при том, что наше братство одно не меньше тысячи человек, при том, что многие "Кифу" покупают именно для того, чтобы кому-то подарить и кому-то дать. При всем этом мы пока не рискуем увеличи-

ЧИТАЛИ ЛЬ ВЫ?

Ответы читателей на вопросы анкеты

В августе 2003 года "Кифа" провела очередной опрос читателей. На нашу анкету ответили больше ста человек.

За тот год, что существует газета, мы обрели, как оказалось, прежде всего братскую любовь. На вопрос: "чем вы можете помочь газете?" из 112 человек братской любовью ей готовы помочь 66. И как оказалось, это не пустые слова. Потому что более чем в половине анкет кроме предложенных редакцией вариантов очень многие написали свои собственные ответы на вопрос, какой они считают газету. Ее считают: глубокой, живой, церковной, острой, актуальной, болеющей за церковь, необходимой, долгожданной, иногда политизированной, иногда бессодержательной, но в целом - содержательной, нужной, очень разной, перспективной, близкой, интересной, единственной в своем роде, умной, насыщенной, миссионерской, радостной, раскрывающейся в тот потенциал, что на вырост дан Богом, родной, интеллигентной, полезной, актуальной, нормальной, очень еще внутрибратской, или, наоборот, не просто внутреннебратской, братской и очень церковной, "для внутреннего пользования", важной, открытой, злободневной, ищущей себя со стремлением расширять общение и, наконец, несколько человек написали - своей.

Мы пишем это здесь не для того, чтобы нашу "Кифу" лишней раз похвалить, а для того, чтобы сказать, что мы постоянно чувствуем ту братскую любовь, которая выражена во всех этих словах, даже критических, что мы очень благодарны, и что без этой братской любви и братской молитвы (которой обещали нам помочь тоже подавляющее большинство опрошенных), наша газета никогда бы не смогла быть.

О том, чтобы она появилась, мы все много лет думали. Не один и не два человека, а многие думали и хотели, чтобы она была. И хотя тех, кто предложил свою конкретную помощь - рас-

гораздо больше половины ответивших - хотели бы видеть материалы о проблемах единства церкви, а также статьи оппонентов и новости Свято-Филаретовского института. Большая часть опрошенных выразила желание видеть в нашей газете интервью с архиереями. Конечно, и православный юмор, и материалы из жизни малых братств люди тоже хотят видеть на страницах нашей газеты - это очень понятно. Пишите, мы будем с удовольствием размещать эти материалы, и здесь мы просим всех проявить, кроме братской любви, еще и какие-то реальные движения.

Правда, здесь возникает проблема, одна из основных для нашего издания, потому что постоянно приходится делать выбор между желанием очень многих читателей видеть материалы о жизни малых братств - и в то же время просьбой, чтобы газета не замыкалась, чтобы она была открыта и людям церковным, но не братским, и обществу, в том числе и людям нецерковным. Поэтому в ней есть, может быть, какая-то неровность, ведь мы хотим выразить и то и другое. В летнем 6-7 номере редакция попыталась это совместить. Если вынуть из него восемь средних страниц, которые говорят о паломничестве малых братств, то весь остальной номер - "обычный", направленный вовне, там нет никаких особенных "внутрибратских" материалов. Мы думали и о том, не чередовать ли какие-то "внутренние" номера, которые выходят перед большими братскими встречами, с более "внешними", которые бы выходили в свет вслед за ними.

Как бы то ни было, читатели вне Содружества у "Кифы" есть. Мы ее дарим и священнослужителям, и прихожанам в некоторых храмах. В одной из анкет было сказано о статье, посвященной теракту в Москве. Статья в свое время была написана с расчетом не только на церковного, но и на светского читателя в ответ на реальный вопрос, заданный автору. В анкете говорится, что с этой статьей согласились все сослуживцы - и церковные, и нецерковные, и верующие и неверующие. "Кифа" читается людьми, читается потенциальными огла-

вать тираж. Мы издаем газету на одни и те же возвращающиеся к нам после продажи деньги. Помогать нам особенно никто не помогает. На вопрос о помощи деньгами были те, кто действительно откликнулся, но были и ответы вроде "ну уж нет!". Правда, на этот ответ мы не обиделись, потому что это написал наш постоянный автор, но, тем не менее, проблема эта существует.

Мы не очень понимаем, почему "Кифа" расходится плохо - плохо на фоне того, что нас тысячи человек, и, кроме того, что она нужна людям вокруг нас. На самом деле ее нормальный тираж должен быть больше. Но это зависит от всех вас - от наших читателей, от того, будет ли обратная связь не только в виде братской любви и молитвы, но и в том, чтобы мы все поняли, что это газета, которую нужно, хотя бы просто в миссионерских целях, дарить окружающим. Это и от нас, от редакции, конечно, зависит - от того, как мы ее будем делать и сейчас и дальше, но не только от нас.

Кифа - это не два, не три, не четыре человека, "Кифа" - это мы все. Мы задавали вопрос о самой удачной и самой неудачной публикации. Среди самых удачных назывались статьи, которые представляли из себя именно то, что нужно всем - пропущенную через себя жизнь. Но если вы, наши читатели и одновременно авторы, не будете их писать... Их не могут писать два человека. Два редактора могут на них только откликаться. Для того, чтобы газета жила, ваши письма и статьи нужны, как воздух, даже если где-то это будет сначала не так прекрасно, не так глубокомысленно, не так замечательно выражено - я думаю, все равно мы все можем научиться. Давайте говорить. Ведь "Кифа" просто выражает нашу жизнь. И если она радостная, то это оттого, что наша жизнь в братстве - она радостная...

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

Из писем читателей

ПРАВДА ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ

Дотрогие мои!
Спасибо!

Разрешите поделиться воспоминаниями. 1947-48 год. Мы, ученики воркутинской средней школы, выступаем по местному радио. Разъезжаясь в 50-м, обещаем друг другу встретиться через сорок лет.

В 1990-м году мы встретились в Ленинграде и мне напомнили, что, когда мы выступали по радио, и я читала Лермонтова, наши родители, где бы они ни были в это время, плакали. Я вспомнила огромные просторы заснеженного Воркутлага, поселок, где мы жили, и представила, что значили для них, наших родных, прочитанные по радио знакомым детским голосом сло-

ва: «Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата, есть Грозный Судия — Он ждет. Он недоступен звону злата...» Это вселяло надежду. Да, плакали и у меня дома, а я не понимала, что с ними.

В 1994 году наше братство выгнали из Владимирского собора — «кровиночки нашей» (так мы называли свой храм). В тот вечер, когда нас выгнали, Наташа Бабасян брала у нас интервью для прямого эфира Би-би-си, где должно было прозвучать и выступление митрополита Антония Сурожского. Я рассказывала об этих детских воспоминаниях, о словах Лермонтова, и закончила свое выступление словами: «Я дождалась

реабилитации своего родного отца, дождусь и реабилитации отца духовного». Я верила и ждала и жду. Вот уже и 2003 год. И вот ваши слова — «В руке не дрогнул пистолет»...

Спасибо! Я с благодарностью вспоминаю, как родители учили меня: «Помни, правда всегда побеждает, сколько бы времени не прошло. Не хватит нашей жизни — хватит твоей, ты увидишь». Вы вернули мне надежду, что честь нашего духовного отца будет восстановлена, что восстановится совесть у тех, кому это очень нужно, что покаяние придет — и к нам, и ко всему нашему народу. Господи! Помогите нам!

А.Д. ВАСИЛЕВСКАЯ

“УСТАЛЫЕ, НО ДОВОЛЬНЫЕ...”

Я вас, редакторов, и вообще всю редколлегию ругаю нещадно. Иначе, если вас не ругать — вы зазнаетесь. Мне кажется, что в работе «Кифы», в ее образе, так сказать, пока еще прослеживается такой еще «петушинный голос»: то басом, то резко вверх. Пока еще не все ровно. Но это и понятно, по молодости лет так оно все и должно быть, это естественно. Я просто хочу, чтобы эта молодость не затянулась.

Я начал думать: почему у «Кифы» тираж никак не вырастет? По двум причинам: первое, это недостатки самой газеты, которая действительно часто говорит слишком «о своем». Мало этого: она невнятно говорит о своем, она говорит, как бы подразумевая, что ее читают те, кто все это и так знает. Это очень сложная вещь, я не могу

здесь никого обвинять, потому что это и мои статьи не слишком рассчитаны на широкого читателя, а больше ориентируются на тех, кто входит в братство. Здесь требуется серьезная работа, очень долгая, но это надо преодолевать.

О чем вообще должна быть так называемая православная газета? «Так называемая», потому что все эти «православные» газеты только на обертку годятся. Редко что бывает интересно. Только отдельные какие-то статьи. В целом концепции большинства «православных» газет ужасны. Это просто самый настоящий «совок», но как бы с церковным материалом. Неинтересно до ужаса. Не задевает совершенно. Вот был такой Журнал Московской патриархии, он и сейчас еще как бы есть. На самом деле его факти-

чески нет. При советской власти это был единственный церковный журнал, и там была колонка «церковная жизнь». Вот роскошная вещь: «владыка был встречен на вокзале, после чего он служил всенощную и помазывал молящихся освященным елеем, молитвенно пел хор». Полный стандарт в каждой епархии. Не указываются даже адреса храмов, куда люди, если они в эту епархию попадут, могли бы прийти. Я вижу, что в нашей «Кифе» есть немного вот этого «освященного елея». Все эти бесконечные «вперед и вверх» — ну надоело уже! Ну сколько можно! Батюшку пожайте! Это то же самое, что «усталые, но довольные, ребята с прогулки возвращались домой»...

Александр КОПИРОВСКИЙ

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗАНАВЕСЫ

Саша, здравствуй.

Хотел отправить тебе пару слов и вопрошаний относительно «Кифы».

Во-первых, спасибо! Начать, как известно, — половину сделать. Газета интересная, в смысле, отражающая нашу братскую церковную жизнь. «Цепляют», как говорит молодежь. Честно говоря, не знаю, насколько она интересна той же самой церковной и прочей молодежи и вообще другим людям. Есть очень «контекстные» материалы, то есть непонятные, как мне видится, вне контекста нашей жизни.

Извини, «сполз» на критику, а хотел всего лишь задать пару вопросов. Мы говорили о том, что надо бы и нам взяться за распространение «Кифы» и «литсотрудничество» с ней. Вопросы связаны с этим.

У нас есть некие епархиальные церковные газеты, которые лежат толстыми пыльными сто-

пами во всех храмах, где-то их даже раздают бесплатно. Кажется «Кифу» надо пропагандировать, насколько можно, на национальном уровне. Может, через Интернет и какие-нибудь небольшие, но качественные афишки в нужных местах: на досках объявлений в вузах, храмах, культурных центрах, библиотеках. Может, издать что-то типа церковного календарика с рекламой газеты с рассылкой по храмам, епархиям, и разного рода культпросвет организациям, типа клубов любителей книги? Это сильно облегчило бы нашу распространительную задачу.

Наше братство может приобретать ну 20 номеров, это в лучшем случае. А город надо заинтересовать, показав национальный масштаб идеи издания. Мы думаем вручать и вручаем «Кифу» при встречах с церковными и культурными деятелями, хотим как-то распростра-

нять ее на выставках, которые проводит Оксана Иванова, но это все же единичные акции. Расскажи, пожалуйста, о вашем опыте распространения «Кифы» и опыте других городов.

Вижу прекрасно важность этой газеты и для церкви, и для Содружества, и для нашего братства — ведь материалы о бесчинствах в нашей епархии действительно могут эти бесчинства если не остановить, то унять. Вот, например, тема: запрет следить за богослужением по книжечке (запрещено даже чтение Евангелия во время Литургии!), запрет целования мира. «Кифа» может реально разрушать епархиальные, приходские и прочие «железные занавесы», за которыми мы прячемся (и нас прячут) друг от друга и в результате от Христа.

С любовью о Господе и в ожидании встречи

Олег ГЛАГОЛЕВ

Средства массовой информации сейчас по праву называют четвертой властью, которая владеет умами людей. Поэтому ответ на вопрос «нужно ли церкви СМИ?» очевиден: конечно, нужно. Однако более интересным является вопрос: «какое СМИ нужно церкви?» Терминология современного падшего мира оказалась настолько гибкой и зыбкой, что она позволяет очень свободно трактовать церковные события. Это не может не сказаться отрицательно на диалоге как внутри церкви, так и с обществом. Поэтому правильный выбор концепции СМИ для различных форм диалога чрезвычайно важен. Попробуемся разобраться в этом вопросе.

Собственно, существует два типа изданий: общественно-политические и отраслевые. Первая группа изданий пишет обо всем понемногу и рассчитана на самую широкую аудиторию. В то же время отраслевые издания

литическая конъюнктура. Естественно, что и интерпретация событий также зависит от ситуационных политических интересов издателей, а не от церковной реальности. Так возникают «правые» или «левые» церковные издания. В политических СМИ церковные события вынесены в отдельный раздел, занимающий далеко не первые по важности места и выходящий не в каждом номере.

Специализированные издания по идее должны более точно и адекватно описывать процессы, происходящие в церкви, однако делают это, как правило, настолько непрофессионально и однобоко, что читать их могут только свои. Видимо, поэтому существует очень много церковных газет, но они в основном малотиражные, распространяемые только в некоторых храмах. Они стремятся к точной фиксации и освещению событий, но практически не делают их анализа с христианской

ПОЛИТИКА ИЛИ ЦЕРКОВНОСТЬ?

имеют определенную специализацию, например, спорт, компьютеры, медицина и другие. Авторами общественно-политических СМИ являются профессиональные журналисты, которые могут талантливо и интересно написать о любом предмете. Напротив, в отраслевых изданиях работают специалисты по соответствующей теме, которых обучили правильно излагать свои мысли, чтобы они были понятны максимально большому кругу людей. Как правило, общественно-политическое издание не напишет о том, что собака укусила человека, а только о том, что человек укусил собаку, а отраслевые издания вполне могут написать и о том и о другом с подробностями и попыткой анализа, и даже постараются выявить глобальную тенденцию.

С точки зрения церкви общественно-политические СМИ могут быть хорошим инструментом миссионерской деятельности, поскольку их аудитория максимально широка. Однако этот класс СМИ является политически ангажированным и, как правило, выражает интересы какой-то группы людей. Поэтому о церковных событиях пишут только в том случае, когда к этому обязывает по-

точки зрения. Эти издания полностью посвящены событиям, происходящим в церкви, и обычно не имеют светской части. Официозный и мёртвый стиль не позволяет им распространяться за пределами церковной ограды. Диалогу внутри церкви и миссии такие издания помогают редко.

В общем, как и в большинстве случаев, приходится констатировать, что СМИ, пишущие о церкви, либо скользят по её поверхности, либо полностью замкнуты внутри. И тот и другой подход не является плодотворным для достижения одной из главнейших целей Церкви — преобразования мира сего. Идеальное церковное СМИ по теории должно с одной стороны готовиться людьми воцерковленными и образованными, а с другой — поднимать и обсуждать не только церковные, но и общечеловеческие проблемы с точки зрения христианского мироощущения. Таким образом, в таком СМИ равное внимание должно уделяться церковным и светским событиям с указанием взаимосвязи одних и других и с анализом ситуации, основанным на Писании и Предании.

Валерий КОРЖОВ

ЧТО ТАКОЕ ХЕРСОНЕС

ПРИСЯГА ХЕРСОНЕСИТА

Я, член московской церковно-археологической экспедиции, грядущей на раскопки славного города Херсонеса, добровольно и сознательно принимаю эту присягу и искренне обещаю:

Не причинять никакого вреда ни Херсонесу, ни Керкинитиде, ни Прекрасной Гавани, но деятельно способствовать открытию их древностей.

Участвуя в раскопках, копать глубоко, но осторожно, в строгом соответствии с данными мне инструкциями, не снижать и не повышать общепринятого темпа.

Не присваивать каких бы то ни было полезных ископаемых.

Не исчезать с места работы, отдыха или жительства без разрешения руководителя экспедиции.

Не нарушать покоя братьев и сестер после отхода ко сну ни песнями, ни разговорами, ни смехом, ни плачем, ни хождением — ничем.

Не появляться в одежде, которую носят только на пляже, нигде, кроме пляжа.

С момента выхода из дома:

- не курить
- не употреблять никаких алкогольных напитков и т.п.
- не произносить никаких грязных слов, даже если они считаются нормой в мире сем
- не играть ни в какие т. наз. "азартные игры" (карты и т.п.)

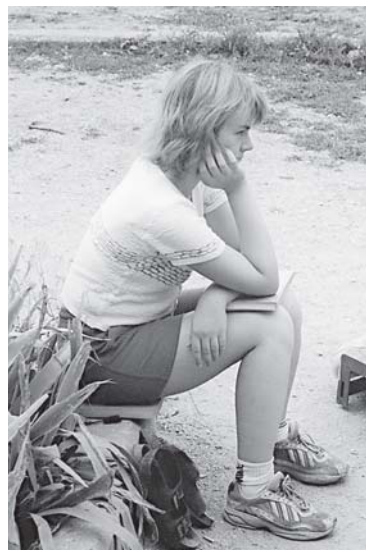
Ежедневно, встав от сна, слушаться моего руководителя, его заместителя и помощника во всем, что согласно с заповедями Божиими, законами человеческими и настоящей присягой.

Если же я вольно или невольно, по расслабленности или упрямству, по самонадеянности или злостному научению нарушу эту присягу, то обещаю безропотно принять любую кару, которую обрушит на меня руководитель, вплоть до немедленного отъезда в Москву, с возмещением всех (в т.ч. финансовых) последствий моих прегрешений, что и подтверждаю собственноручной подписью:

20 августа 2003 г.

Чем для нас была эта поездка? Это, конечно, фрукты, солнце, море под боком (буквально 5 минут до кромки воды). Это горы, небо, на которое можно смотреть и смотреть... Это руководители, рядом с которыми все время думаешь о том, что ты делаешь правильно, а о чем лучше и не заикаться, а то "отнимется и то, что имеешь". Это несколько людей (А. Виноградов, Н. Гайдуков, тот же А.М.Копировский), которых можно слушать, даже не понимая, потому что все равно безумно интересно. Это приятное замедление сердца над обрывом. Это однообразная пыльная работа на раскопках, когда ты непрерывно машешь веником и лопатой с 7 до 12 часов. Это непередаваемое ощущение, когда эта работа принесла древний сосуд, пусть состоящий из сложенных в форму осколков, но зато почти целый и выкопанный при помощи малярной кисточки. Это знакомые и незнакомые люди, с которыми проводишь вместе весь день. И, может быть самое главное, это открытость — своя и чужая, чувство того, что ты принят, и сам готов кого-то, кроме себя, принять.

Наша поездка в Херсонес — важное событие в жизни молодежи братства. Для нас очевидно: такие поездки предоставляют огромные возможности для духовной работы, для

нахождения себя в жизни. Главным вопросом, вставшим перед нами, был: кто мы? Многие из нас принимали участие в паломничествах со своими братствами. В них мы находимся в положении больших детей и являемся "приятным дополнением" к взрослому обществу. В Херсонесе же число молодежи превосходило число взрослых в шесть раз. И вольно или невольно приходилось действовать и устраивать свою жизнь самим. Способны ли мы существовать самостоятельно, представляем ли мы собой особую форму жизни или лишь переходный этап между ребенком и взрослым — такие вопросы ста-

вил перед нами Херсонес. Принято считать, что члены молодежных групп представляют из себя нечто целое, что называют "молодежным движением". А существует ли оно на самом деле? Движение предполагает наличие некой цели, к которой движешься. С чем, собственно, и выявились проблемы. Помимо ежедневных богослужений, проходивших с переменным успехом, проводился цикл бесед на темы, выбранные путем опроса общественного мнения. Тем было много, темы интересные, важные, но, скажем так, общехристианские, многие из которых волнуют любого христианина, независимо от возраста. Собственно попытка осознания себя была одна — при обсуждении темы "Что такое молодежное движение и с чем его едят?" Присутствующие поняли, что имеют смутное представление о своем месте в жизни Церкви и ознакомились с мнением на этот счет

ства. Неужели нам не под силу все это преодолеть? Самый ясный урок, что нам преподали — это то, что нам хорошо быть вместе, что, объединившись ради Господа, мы все-таки способны побеждать межличностные конфликты, справляться со своими антипатиями и способны нормально общаться друг с другом.

Очень хорошо, что группы из Архангельска, родившиеся полгода назад, были с нами и могли почувствовать атмосферу любви и дружбы, которую лично я встретил только в молодежи, и на опыте понять, что совместная христианская жизнь молодых христиан возможна. Судя по их отзывам, им было хорошо, за что и слава Богу, это была победа. Но где-то мы дали маху. Было заметно, что желание отдохнуть, расслабиться и комфортно пообщаться с друзьями преваляло, а утомительная работа, присяга херсонесита и ранние подъемы воспринимали-

А.М Копировского.

Обсуждение тем — дело хорошее, но лучше всего учиться на жизни реальной, тем более таким вещам, как христианское единство. Чему учила нас жизнь в то время, когда мы были вместе? Всегда в подобных поездках чувствуешь и радость, и разочарование от того, что настоящая христианская жизнь и достижения — и не достижима. Вот оно, это единство, его как будто можно потрогать, но оно вдруг разваливается под тяжестью обычных проблем молодых и немолодых людей — непонимания, нежелания "поступить своими принципами", замкнутости и одиноче-

лись как неизбежная плата за удовольствия, а не как некая норма жизни.

Херсонес-2003 был скорее местом, где задают "задание на дом", и от того, насколько успешно мы решим его, будет зависеть "продолжение банкета" и вообще многое в жизни молодежного движения.

Хочется надеяться, что опыт, пережитый нами, не встретится из головы, а поиск ответов на вопросы будет продолжаться, иначе мы рискуем не развиваться, а каждый год повторять одно и то же. Так что, господа молодые: "На старт! Внимание! Марш!"

М. ЛУКИН, Н. ТОКАРЬ,
Е. МАКСИМОВА

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гудфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)

Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасова
Александра Ошарина

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.